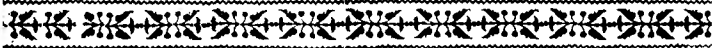

Игнатий (Брянчанинов), еп. Письма епископа Игнатия (Брянчанинова) к разным лицам [LXXXVIII—XCII] / Сообщил иером. Игнатий (Садковский) // Богословский вестник 1913. Т. 3. № 11. С. 437—475 (2-я пагин.).

Письма Епископа Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ.

(*Окончаніе*).

Письмо LXXXVIII

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Первое письмо твое отъ 7-го Сентября я получилъ. Уже много было написано въ отвѣтъ на него въ письмѣ моемъ отъ 5-го. И потому я положилъ себѣ: дожидаться отвѣта, и тогда на два твои письма отвѣчать вмѣстѣ—что Богъ вложить въ мое недостойное сердце, у котораго въ распоряженіи едва пишущая отъ слабости рука.—Я постоянно боленъ и хилъ, въ особенности по зимамъ; нынѣ же въ добавокъ принимаю лекарство, которое врачуетъ боли, но ослабляетъ силы.—Думалъ я написать нѣкоторыя подробности о духовномъ дѣланіи, тебѣ идущемъ. Останавливаюсь исполнить это до другого времени; сиѣщу, получа второе твое письмо, способствовать сколько нибудь, съ Божіею помощію, къ возстановленію въ тебѣ нарушеннаго спокойствія душевнаго. И ты просишь меня поспѣшить отвѣтомъ.

„Иди скоро“, сказалъ Господь Моисею, внимавшему Его тайственнымъ ученіямъ въ уединеніи, на вершинѣ горы Синайской, въ уединеніи мрака, произведеннаго низшедшими на гору небесными облаками: „сниди отсюда: беззаконноваша бо людіе твои, ихже извелъ еси изъ земли Египетскія: преступиша съ пути скоро, егоже заповѣдалъ еси имъ: сотвориша себѣ тельца и поклонишася ему, и пожроша ему“ (Исх. 32, 7. 8). Знай, что человекъ, когда находится

Бог. Вѣст.

1

внѣ состоянія мира, находится въ состояніи неправильномъ по отношенію къ закону Христову, въ состояніи самообольщенія и заблужденія, въ кумирслуженіи.

Смотрю на кипящія въ тебѣ волны—и нѣтъ отъ нихъ никакой печали въ моемъ сердцѣ; онѣ не устрашаютъ моего сердца, не приводятъ его въ сомнѣніе. Мое сердце спокойно;—мало того: оно ощущаетъ утѣшеніе духовное. Отъ чего бы это было?—Мое сердце—чувствительно по природѣ; оно не можетъ быть холоднымъ и равнодушнымъ. Скажу тебѣ отъ чего: въ немъ дѣйствуетъ съ убѣдительною извѣщеніе, что къ тебѣ—милость Божія. Вышло такое опредѣленіе о тебѣ отъ горяго Престола Царя Царей. Неустрашись бурь, не ослабѣй отъ нихъ: онѣ—признакъ добрый. Тебя скоро осѣнитъ помощь Божія; на вѣсы твоего сердца положится тяжеловѣсное духовное сокровище, отъ чего противоположная чаша, чаша земныхъ скорбей и утѣшеній сдѣлается безъ вѣсу. Повѣрь моему сердцу!.. Не знаю, стоитъ-ли оно довѣрія, но увѣряетъ такъ сильно, что я, оставя всякое соображеніе и умствование, пишу—что внушаетъ мнѣ, велитъ писать сердце. Вижу пристань духовную, приготовленную тебѣ Всеблагимъ Богомъ, тебя ожидающую. Но Онъ, Многомилостивый и Всепремудрый, попускаетъ тебѣ сперва потрудиться въ волнахъ, чтобъ ты утомился, умучился въ борьбѣ съ ними,—далъ цѣну пристани. Человѣкъ не даетъ должной цѣны тому, что достается ему цѣною слишкомъ дешевою. Не была-ли пристань—рай?—И этой пристани человѣкъ не далъ цѣны, былъ недоволенъ ею.—захотѣлъ большаго, несбыточнаго!..

Получивъ твое письмо, я прочиталъ его; спустя нѣсколько часовъ прочиталъ еще разъ, и, когда сердце мое отдѣлило шумъ словъ и выраженій отъ голоса души, взялъ перо, обмакиваю его, больше, кажется, въ сердце, чѣмъ въ чернила.—отвѣчаю тебѣ. Прости мою нескромность, которую позволяю себѣ для твоего ободренія: меня объемлетъ невыразимое духовное, просвѣтительное утѣшеніе, поглощающее въ сладости своей мой умъ, содѣлывающее вдохновеннымъ мое сердце. Изъ среды этого утѣшенія пишу къ тебѣ!.. „И нынѣ, Израилю, послушай оправданій и судовъ, елика азъ учу васъ днесь дѣлати, да поживете и умножитесь, и вшедше, наслѣдите землю, юже Господь Богъ отецъ вашихъ дастъ вамъ

въ наслѣдіе“, говорили Израилю его Законодатель—Богови-
децъ (Второзак. 4, 1).

Пишетъ къ тебѣ искушенный волнами многими, бурями многими, многими пропастями и подводными камнями,—хотя и доселѣ неискусный,—искушаемый скорбями многими съ того самаго времени, какъ только себя помнитъ. Много я страдалъ!—страдалъ наиболѣе изъ-за своей пламенной крови,—изъ-за своей пламенной любви къ ближнему, любви, соединенной, казалось мнѣ, съ чистымъ, полнымъ самоотверженіемъ,—изъ-за расположенія къ справедливости, чести,—изъ-за своего плотскаго разума. И теперь долженъ смотрѣть и смотрѣть за своею кровію; безъ этого она какъ разъ похититъ у моего сердца святой миръ, отниметъ меня изъ водительства Святаго Духа, предастъ водительству сатаны.

Знай: Богъ управляетъ міромъ; у Него нѣтъ неправды. Но правда Его отличается отъ правды человѣческой. Богъ отвергъ правду человѣческую, и она—грѣхъ, беззаконіе, паденіе. Богъ установилъ Свою всевятую правду, правду Креста,—Ею отверзаетъ намъ небо. Ему благоугодно, чтобъ мы входили въ Царство Небесное многими скорбями. Образъ исполненія этой Правды Богъ подаль Собою: Онъ, вочеловѣчившись единою изъ покланяемыхъ Упостасей Своихъ, подчинилъ Себя всѣмъ разнороднымъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Святейшее Лице Его подверглось заушеніямъ и заплеваніямъ; Не отвратилъ Онъ отъ нихъ лица Своего. Онъ вмѣнился съ незаконными; въ числѣ ихъ, вмѣстѣ съ ними осужденъ на поносную, торговую казнь, преданъ ей;—какими-же людьми?—гнуснѣйшими злодѣями и лицемѣрами.—Всѣ мы безотвѣтны предъ этою всевышею Правдою;—или должны ей послѣдовать, или къ намъ отнесутся слова: „Иже не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ,—нѣсть Мене достоинъ“... „Иже нѣсть со Мною, на Мя есть“ (Матѣ. 10, 38; 12, 30).

Противъ правды Христовой, которая—Его Крестъ, вооружается правда испорченнаго естества нашего. Бунтуютъ противъ Креста плоть и кровь наши. Крестъ призываетъ плоть къ распятію, требуетъ пролитія крови; а имъ надо сохраниться, усилиться, властвовать, наслаждаться. Путь къ кресту—весь изъ бѣдъ, поношеній, лишеній; онѣ не хотятъ идти по этому пути; онѣ—горды, онѣ хотятъ процвѣтати.

величаться. Понимаешь-ли что плоть и кровь—горды?—Всмотрись на украшенную плоть, на обильную кровь,—как онѣ напыщенны и надмѣнны!—Не безъ причины заповѣданы намъ нищета и постъ!

Не утрапись словъ моихъ: онѣ по наружности, съ перваго взгляду,—страшны, жестоки. Исполнишь спасительный совѣтъ мой—и обрѣтешь миръ, исцѣленіе сердцу твоему. Твое расположеніе къ Н. болѣзненное. Воню твоего сердца обонялъ я, бывши у васъ въ обители:—потомъ при полученіи перваго письма твоего; во второмъ же письмѣ душа твоя сама сознаетъ его: болѣзнуетъ, мучится, мечется, стонетъ. Писалъ я тебѣ, свидѣтельствуясь дѣланіемъ и ученіемъ Святыхъ Отцевъ, что желающій перейти изъ плотскаго состоянія въ духовное, долженъ умереть для всѣхъ человѣковъ.—Какая смерть безъ болѣзней!—При свиданіи я тебѣ сказалъ: „ты долженъ быть одинъ“. Сердце твое, умъ, сознали справедливость произнесеннаго; но услышала кровь твоя приговоръ смертный на нее—и ужаснулась. Я понималъ это;—не остановился, не останавливаюсь сказать Истину, необходимую для твоего спасенія и преуспѣянія. Услышь, услышь голосъ грѣшника, слово грѣшника, голосъ и слово, избранныя Богомъ въ орудіе твоего оживленія въ Духъ,—и, хотя бъ то было съ пролітіемъ кроваваго пота, исполни ихъ. Мечемъ и лукомъ твоимъ отними у Аммореевъ землю, отдай ее Сыну возлюбленному Отца, таинственному Іосифу,—Христу. Такъ сдѣлалъ прообразовательно святой Патріархъ Іаковъ (Быт. 48, 22). Землю—называю твое сердце;—Амморееями—кровь, плоть, злыхъ духовъ, завладѣвшихъ этою землею. У нихъ надо отнять ее душевнымъ подвигомъ, т. е. дѣланіемъ умнымъ и сердечнымъ.

Какъ и чѣмъ исцѣлить твое болѣзненное расположеніе?

Ты вѣришь Спасителю?—Ты вѣришь словамъ Его?—Онѣ сказалъ: „Вамъ и власи главніи вси изочтени суть“ (Матѣ. 10, 30); такъ бдителенъ, заботливъ до мелочной подробности. Промысль о насъ всеблагаго Бога нашего! Богъ, столько о насъ заботящійся, имѣющій на счету всѣ волосы наши.—смотреть: первомученика Стефана побиваютъ камнями,—и не препятствуетъ убійству.—Зреть: Апостолы умираютъ ежедневно, страдаютъ непрестанно, оканчиваютъ земное теченіе свое насильственной смертію.—Взираетъ: и тысячи и тысячи

тысячъ мучениковъ претерпѣвають отсѣченіе, строганіе, ломаніе членовъ, продолжительное заключеніе въ смрадныхъ и душныхъ темницахъ, убійственныя работы въ рудокопняхъ, сожиганіе на кострахъ, замерзаніе въ озерѣ, потопленіе въ водахъ.—Онъ смотритъ: иноки совершаютъ невидимое мученичество въ борьбѣ съ плотію и кровію, съ духами нечистыми, съ людьми любителями міра, съ безчисленными лишеніями тѣлесными и душевными. На все это Онъ, человѣколюбець и всемогущій, взираетъ. Отъ всѣхъ скорбей Онъ могъ бы избавить избранныхъ Своихъ, но не дѣлаетъ этого;—возвѣщаетъ рабамъ Своимъ: „Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши“ (Лук. 21, 19)... „Претерпѣвый до конца, той спасется“ (Матѣ. 24, 13). „Кто-жъ поколеблется, о томъ не благоволятъ душа Моя“ (Евр. 10, 33).

Просили сыны Зеведеевы у Господа престоловъ славы;—Господь даровалъ имъ „чашу Свою“. Чаша Христова—даръ Христовъ, подаемый Имъ любимымъ Его, избраннымъ Его. Чаша Христова—условіе, залогъ вѣчнаго блаженства. Чаша Христова—страданія. Посему познается, говоритъ Св. Исаакъ Сирскій: „особенный Промысль Божій надъ человѣкомъ, когда этому человѣку пошлются непрестанныя скорби“. Въ заключеніе употребляю слова Св. Апостола Петра: „Тѣмже и страждущи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю, да предадутъ души своя во благодѣяніи“ (1 Петр. 4, 19).

Основываясь на вышесказанномъ, утверждаю: Н. подъ особеннымъ Промысломъ Божіимъ; все совершающееся надъ нимъ—предъ взорами Бога, по попущенію Бога, его Создателя, Искупителя и Владыки... Неужели ты еще не увидѣлъ Бога въ промыслѣ Его и управленіи Его?.. Благоговѣнно отступи ничтожная пылинка!.. останови руку, дерзостно протирающуюся съ рукою Божіею къ образамъ правленія судьбами человѣка!—Остановись!.. вытрезви твой умъ, упоенный порывами, волненіемъ крови: большое твое сердце представило тебѣ Бога, покинувшимъ бразды, Ему Единому принадлежащія,—забывшимъ свое святѣйшее обѣщаніе...

Приступи же къ врачеванію прокаженной и разслабленной, бѣснующейся души твоей. Опираясь на вѣру, на живую вѣру, ежедневно вставай—сперва по нѣскольку разъ въ день, раза по три и четыре—въ теченіи краткой минуты на колѣни, говори Господу: „Господи! Н, котораго я думалъ

такъ любить, думалъ такъ уважать,—называлъ, обманываясь моимъ,—Твой, Твое созданіе, Твоя собственность. Онъ Твой— всеблагаго Творца и Владыки своего! Ты всеблагъ: хочешь устроить для него все благое. Ты всесиленъ: все можешь для него устроить что ни восхощешь. Ты всепремудръ: путей Твоихъ духовныхъ, судьбъ Твоихъ, изслѣдовать, постичь человѣку невозможно... А я—кто?—Пылинка, горсть земли, сегодня существующая, завтра исчезающая. Какую могу принести ему пользу?—Могу лишь болѣе повредить ему и себѣ моими порывами, которые кровь, которые грѣхъ. Предаю его въ Твою волю и власть! Онъ уже есть, всегда былъ въ Твоей полной волѣ и власти; но этого доселѣ не видѣлъ слѣпотствующій умъ мой. Возвращаю Тебѣ Твое достояніе, которое безумно похищаль я у Тебя обольщавшимъ меня мнѣніемъ моимъ и мечтаніемъ. Исцѣли мое сердце, которое думало любить, но которое только больно: потому что любить внѣ Твоихъ святыхъ заповѣдей, съ нарушеніемъ святаго мира, съ нарушеніемъ любви къ Тебѣ и ближнимъ.—И враговъ намъ повелѣно любить; и нарушеніе любви къ нимъ есть нарушеніе заповѣди, нарушеніе любви къ ближнему. Вставъ съ колѣнъ, повторяй нѣсколько разъ неспѣшно: „Господи! предаю его, себя, всѣхъ святой волѣ Твоей; буди во всемъ воля Твоя! За все—слава Тебѣ!“ Когда ты съ людьми, и увидишь, что приближается къ душѣ невидимое искушеніе; то повторяй мыслію вышесказанныя слова. Когда видишь неустройство міра и вашего маленькаго міра—монастыря, повторяй слова: „Господи! Ты, Всесильный, все это видишь; да будетъ воля Твоя; да совершаются недомыслимая судьбы Твои. А я—кто, пылинка,—чтобъ мнѣ вмѣшиваться въ Твое непостижимое управленіе!“

Сынъ Божій сказалъ о Себѣ: „Сынъ человѣческой предается въ руцѣ человѣковъ“ (Мате. 26, 46). Если Онъ, всесвятый, предается въ эти руки,—что страннаго, когда грѣшникъ предается въ руки подобныхъ ему грѣшниковъ. Научимся говорить подобно распятому близъ Христа грѣшнику: „Пріемлю достойное по дѣломъ моимъ; помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ“.

И Н. долженъ также поступать относительно тебя,—предать тебя Богу, Его волѣ, Его Промыслу. Для духовнаго руководства, онъ слабъ,—влечется твоею немощію. А въ не-

мощи твоей большая сила крови, краснорѣчивой крови, вступающей противъ духовнаго закона:—кто не ощутилъ въ себѣ явнаго духовнаго дѣйствія, дарующаго свободу, независимость, тому не выстоять противъ напора твоей крови. „Ты долженъ быть одинъ“. Изъ тебя сказалъ я это;—сказалъ и повторяю. Тѣ, которымъ будешь повѣрять твои брани, повредятся—и, можетъ быть, неисцѣльно. Мой жребій былъ—постоянное одиночество;—былъ и есть. Что дѣлать?—Претерпимъ тягость уединенія. Увидѣвъ его, увидѣвъ сиротство наше на землѣ,—Духъ Святой, въ свое, извѣстное Ему время, придетъ къ намъ. Тогда будешь не одинъ и порадуешься тому, что былъ одинъ. Умертвите взаимное пристрастіе истиннымъ смиреніемъ, которое предложено въ вышенаписанныхъ молитвахъ Боговидѣнія. Не должно васъ безвременно, по влеченію нѣжнаго чувства, т. е. глупой крови, учащать другъ къ другу. Не будь нѣженъ! Не позволяй себѣ разнѣживаться! Будь истинный мужъ! Въ противномъ случаѣ, чтобъ не постыдили насъ жены, не причислили насъ къ женамъ по причинѣ нашей слабости! Такъ нѣкоторая преподобная инокиня сказала нерадивымъ, некрѣпкимъ инокамъ: „вы—жены!“ Имѣю основаніе искать отъ тебя этого. Дай!—потому что можешь дать.

Когда придуть тебѣ помыслы ревности и нѣжности къ Н., а ему къ тебѣ, говорите сами себѣ: „Господи, онъ Твой! а я что?“—Когда-же усилится брань,—къ себѣ въ келлію и на колѣни!. Подвизаясь такъ вы ощутите по милости Божіей исцѣленіе отъ пристрастія другъ ко другу, которымъ сердца Ваши лишены свободы; она въ плѣну и отъ того въ мукѣ. Время ваше и здоровье теряются въ пустыхъ смущеніяхъ и бесплодныхъ мученіяхъ. Когда Богъ даруетъ вамъ исцѣленіе отъ пристрастія и вы ощутите свободу и легкость; тогда узнаете, что настоящее ваше состояніе было „искушеніе“, было состояніе ложное, а не духовное,—и потому грѣховное, Богопротивное. Малости, незамѣтныя въ мірской жизни, въ монастырской дѣлаются уже не малостями, но весьма важными недостатками, могущими нанести неисцѣльный вредъ,—не только остановить, прекратить всякое духовное преуспѣяніе, сдѣлать жителство въ монастырѣ вполне бесплоднымъ. Въ особенности это относится къ монашествующимъ, которымъ на нивѣ Христовой досталась въ

удѣлъ для воздѣланія—умная молитва и прочіе сопряженные съ нею подвиги внутренніе.

Краткія слова вышенаписанныхъ молитвъ и смиреннословія,—но которыми должно вращать чаще предъ лицомъ души, чтобъ не успѣли насѣсть на него разныя насѣкомыя и изъязвить его.—принадлежать къ числу сильныхъ и дѣйствительныхъ орудій душевнаго невидимаго подвига. Употребленіе этихъ и подобныхъ орудій называется дѣланіемъ, которымъ зиждутся стѣны Иерусалима душевнаго,—разсыпаются стѣны градовъ иноплеменниковъ, построенныя ими въ сердцахъ нашемъ. „Ты долженъ быть одинъ!“... „Умри для человѣковъ“... Да падутъ подъ остріемъ меча Левитовъ, вѣрныхъ Богу, ихъ родныя братья и сосѣды, поклонники кумира. Помыслами и чувствованіями, служителями Бога, да истребятся изъ души помыслы и чувствованія, служители грѣха. Родители ихъ одни и тѣ же: умъ и сердце; потому они—братья. Они—ближніе и сосѣды: потомучто имѣють видѣ близкій къ добру и очень къ нимъ привязано сердце. Когда, по повелѣнію Моисея, сыны Левія препоясали каждый мечъ свой по бедрѣ и прошли по всему стану Израильскому отъ вратъ до вратъ, убивая каждый ближняго своего и сосѣда своего; то сказалъ имъ Моисей: „Наполните руки ваши днесь Господу, кійждо въ сынѣ своемъ и въ братѣ своемъ, да дастся на васъ благословеніе“ (Исх. 32, 29). И ты поступи такъ,—да дастся на тебя благословеніе. Если жъ не умрешь для людей, если будешь позволять сердцу своему увлекаться, плѣняться пустыми привязанностями,—всю жизнь твою будешь пресмыкаться по землѣ, не сподобишься ничего духовнаго: кости твои падутъ внѣ земли обѣтованной.

Не утрашись ни подвига, ни сраженія, ни исполиновъ! Не пощади, какъ истинный Израильтянинъ, какъ истинный Левитъ, ни братьевъ, ни сыновъ, ни дочерей, ни сосѣдей и ближнихъ! Не тронься сожалѣніемъ къ крови, убивающей вѣчною смертію снисходительныхъ къ ней!—За мечъ, Леонидъ, за мечъ!—На бой, на бой отчаянный! На бой упорный, постоянный, доколѣ не увѣнчаетъ его рѣшительная побѣда! „Лучше смерть въ подвигѣ“, сказалъ св. Исаакъ: „нежели жизнь въ паденіи“.—И что за жизнь—жизнь въ грѣхѣ? Не стоитъ она названія—жизни; назвало ее Писаніе смертію; она—начатокъ смерти вѣчной, можетъ быть и смертію вѣч-

ною, если не умертвится жизнью о Христѣ.—Сколько дряхлыхъ старцевъ, вѣжныхъ дѣвъ, слабыхъ дѣтей остались побѣдителями?—Неужели ты позволишь двоедущію колебать себя, выпустишь изъ рукъ побѣду и вѣнецъ вѣчнаго торжества за цѣну мгновеннаго, мучительнаго колебанія, которое обольстительно, насмѣшливо, ругательно силится представиться намъ наслажденіемъ, добродѣтелию. Не убойся твердынь грѣховнаго града: съ постоянствомъ „укрѣпи брань твою на градъ“ говоритъ Писаніе: „и раскопай и“ (2 Царст. 11, 22)... Да увижу на тебѣ вѣнецъ побѣды, вѣнецъ Духа, вѣнчающій сперва главу твою, а потомъ и сердце! Да истекуть изъ нихъ источники воды живой! Изъ этихъ источниковъ да пьешь во первыхъ самъ до сытости и пресыщенія; да пьютъ отъ нихъ, и насытятся, и возвеселятся, и восхваляютъ Господа всѣ, которыхъ привлечетъ къ тебѣ жажда Слова Божія. Любовь духовная ближнихъ да вознаградить тебя сторицею за умерщвленіе кровяной любви. До обновленія же—будь одинъ; до него соединеніе особенною любовью съ кѣмъ нибудь—говорю въ духовномъ отношеніи—„блудъ“. Послѣ обновленія является истинная любовь къ ближнимъ, святая, духовная; она вся въ Богѣ; она—видѣніе духовное. Стоитъ пролить кровь, когда за нее дается безмѣрное сокровище—Духъ. По принятіи Духа, человекъ увидитъ ясно,—кровь—Богонеприятная, смрадная мерзость. И потому говоритъ Писаніе: „Проклятъ возбраняяй мечу своему отъ крове“.—Умри, умри!—и погребись... чтобъ наслѣдовать святое воскресеніе души Духомъ Божиимъ.

Какъ ты не долженъ сообщать другимъ своихъ браней и искушеній душевныхъ; такъ не долженъ выслушивать брани и искушенія другихъ. Частная тому причина: твоя сильная, горячая кровь. Ты передаешь сильно и воспринимаешь сильно. Отъ того твоими возмущеніями очень потрясаешь другихъ и самъ очень потрясаешься отъ сообщаемыхъ другими скорбей ихъ.—Вторая причина заключается въ общемъ правилѣ для всѣхъ подвижниковъ: брани душевной невозможно объять и объяснить естественнымъ разумомъ; потому что все естество наше—въ паденіи. Для этого нуженъ разумъ духовный, т. е. явившійся въ человекѣ отъ дѣйствія Духа. И потому только духовный способенъ выслушать брань ближняго и преподать ему спасительный совѣтъ; а держи-

мый во мракѣ страстей еще не способенъ къ этому. Умолкни, умолкни! Сперва надо умолчать, по совѣту святаго Псалмопѣвца, о самыхъ благахъ;—тогда уже должно не возбранять устамъ своимъ, когда въ поученіи ума, т.-е. въ непрестанно рождающихся въ умѣ мысляхъ, возгорится огонь Божественный.

Пишешь: „Бросить N.—это бросить въ лицѣ его Самого Христа, обнаженнаго, изъязвленнаго, привязаннаго къ столбу темничному? Не бросить ли и Онъ меня тогда?“ и проч.— Видишь, какъ краснорѣчива кровь твоя! Кто не увлечется ею! Ты, какъ Цицеронъ, можешь выпросить милость у Цесаря самому ненавистному для него Аппію Милону,—какъ Демосеенъ можешь поднять всю Грецію на Филиппа!.. Пощади немощныхъ! Не устремляй на нихъ твоего слова сильнаго!.. Пощади и немощнаго, такъ живо чувствующаго и выражающаго страданія другихъ, — живѣе, нежели они сами!—Въ твои прекрасныя выраженія облеклись,—такъ называемыя монашествующими Святыми Отцами — „оправданія“. Оправданіе—личина добродѣтели, которою Ловитель душъ нашихъ прикрываетъ разставляемыя имъ сѣти для ума и сердца нашего. О избавленіи отъ оправданій мы молимся съ колѣнопреклоненіемъ: „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ“. Говорилъ св. Пименъ Великій о естественной, падшей волѣ нашей и о оправданіяхъ: „Своя воля человѣческая есть стѣна мѣдная между имъ и Богомъ, камень противуударяющій. Если человѣкъ оставитъ свою волю, то и онъ скажетъ: о Бозѣ моемъ преиду стѣну, Богъ мой, непороченъ путь Его. Если же къ волѣ присоединится оправданіе, то погибаетъ человѣкъ“. Твоя „своя воля“: наклонность сердца къ N.: оправданія помогаютъ твоему пристрастію;—мыслишь, говоришь, повидимому Божественно, а мучишься ужасно.—можешь, если не примешь мѣръ, очень повредиться, повредиться неисцѣльно. За простоту и искренность твоего сердца Богъ посылаетъ тебѣ руку помощи!.. Понимаешь ли что сердце у тебя самое простое? Ничего въ немъ нѣтъ сложнаго. Не годишься для міра: тамъ нужны хитрые. Ты можешь быть хитрымъ и скрытнымъ только тогда, когда молчишь. Приучись къ молчанію: оно необходимо тебѣ и для духовнаго подвига и для отстраненія наружныхъ, бесплодныхъ скорбей. Твое сердце

для Бога! Твое сердце для Духа Святаго: Онъ любитъ по чивать въ сердцахъ простыхъ и незлобивыхъ. Ты и незлобивъ;—только тебя сбиваетъ кровь твоя. Уйми ее смиреніемъ и молчаніемъ. Смотри чаще на Христа: „Се Отрокъ Мой“, свидѣтельствуеть о Немъ Отець: „Его-же изволихъ. Возлюбленный Мой, Нанъ же благоволи душа Моя: положу Духъ Мой на Немъ и судъ языкомъ возвѣститъ: не преречеть, ни возопіеть, ниже услышитъ кто на распутіяхъ гласа Его. Трости сокрушенны не преломить, и лена внемшася не угасить: дондеже изведеть въ побѣду судъ. И на имя Его языцы уповати имутъ“ (Матѣ. 12. 18—21).

Съ помыслами никогда не должно рассуждать. Можетъ врагъ представить много логическаго, неопровержимаго, склонить нашъ умъ къ принятію лукавыхъ, убійственныхъ помысловъ, замаскированныхъ личиною добродѣтели и благочестія. Пробнымъ камнемъ помысловъ для тебя да будетъ твое сердце. Какъ бы ни благовиденъ былъ помысль, но если отнимаетъ „миръ“ у сердца, тонко приводитъ къ нарушенію „любви съ ближними“,—онъ вражескій. Не спорь съ нимъ, не рассуждай;—а то уловить и заставить вкусить отъ запрещеннаго древа;—вооружайся скорѣе противъ него, гони его прочь отъ себя оружіями духовными: „Славословіемъ Бога“,—„Благодареніемъ Бога“,—„Преданіемъ себя Его волѣ“,—„укорененіемъ и осужденіемъ себя“,— „молитвою“. Превосходное оружіе при сильной брани: прійти въ свою келлію, повергнуться на минуту предъ Богомъ съ прошеніемъ Его помощи и преданіемъ себя Его волѣ. При сильной брани это повторяется нѣсколько разъ въ день—и очень помогаетъ.

Наблюдалъ ли ты за умомъ твоимъ? Изучалъ ли—какое его свойство?—У тебя умъ не аналитическій, который все разбираетъ по частямъ, анатомируетъ, и, послѣ этой работы, выводитъ свое заключеніе. Большая часть умовъ человѣческихъ имѣютъ свойства анализа, и по этому свойству способны хитрить, ловко устраивать дѣла свои, строить козни. Твой умъ безъ работы видитъ, обнимаетъ предметы. Этого умъ—для духовнаго видѣнія.—Вотъ еще что замѣтъ въ немъ: онъ съ свободою, наслажденіемъ можетъ пасть въ прахъ предъ величіемъ Божества; но чтобъ смириться предъ ближнимъ ему нуженъ трудъ надъ собою. Почему?—Потому

что онъ по естеству своему имѣетъ презрѣніе ко всему подлому, пошлому, мелочному,—неспособенъ къ изгибамъ и изворотамъ. Видя эти недостатки въ ближнемъ, онъ презираетъ ближняго вмѣстѣ съ его недостатками. Умъ твой, поставленный Евангелиемъ, тогда смирится предъ каждымъ ближнимъ, когда увидитъ въ каждомъ ближнемъ Христа. Всѣ, крестившіеся во Христа, облечены во Христа. Чѣмъ бы и какъ бы они не оскверняли себя, риза Христова, до суда Христова,—на нихъ. Необходимо признать себя хуже всѣхъ человѣковъ: этого требуетъ святое смиреніе. Апостоль не просто сказалъ, что онъ—первый изъ грѣшниковъ;—былъ убѣжденъ въ этомъ. И намъ надо убѣдить себя: здѣсь предлежитъ работа и трудъ. Богъ да даруетъ и мнѣ и тебѣ совершить его.—По причинѣ ума твоего, по причинѣ его отдѣльнаго устройства отъ большей части другихъ умовъ, тебѣ придется понести, и вѣроятно несешь уже, нѣкоторыя скорби. Рѣдкій пойметъ умъ твой. Видя его смѣтливость и бойкость, кто пойметъ, кто повѣритъ, что онъ простъ! Большая часть будутъ признавать тебя хитрымъ, съ замыслами, подозрѣвать тебя, придумывать на тебя и за тебя. Это неизбежно: аналитическіе умы не могутъ предположить даже существованіе ума безъ анализа, смотрящаго просто и ясно. Видя силу ума, они приписываютъ ее высшей степени анализа,—признаютъ глубокую, утонченную, обдуманную хитрость въ томъ, кто никогда не думаетъ,—глядитъ съ проницательною простотою на все, подлежащее взорамъ человѣческимъ.... Извини ближнихъ. Мы всѣ немощны. Исполненіе закона Христова и состоитъ въ томъ, чтобъ носить великодушно, любовно и смиренно тяготы другъ друга.

Доволенъ я, что ты мало читалъ книгъ религіозныхъ: лучше—скрижали неписанныя, нежели неписанныя безтолково. Неужели мнѣ придется писать на твоихъ?—Если такъ,—пусть будутъ начертаны на нихъ не мертвыя слова человѣческія, но живыя—Духа. Видя твою довѣренность ко мнѣ, присвоиваю себѣ право присылать тебѣ, по возможности моей, книги Святыхъ Отцевъ, какія сочту для тебя полезными. Это „мое“, „свое“ даю тебѣ: таково было мое поведеніе; я напывалъ себя и доселѣ напываю исключительно чтеніемъ Св. Отцевъ Восточной Церкви, тщательно хранясь, по ихъ же святому совѣту, отъ книгъ, содержащихъ въ себѣ лже-

ученіе, которое содержать въ себѣ всѣ книги, написанныя внѣ спасительнаго лона единой истинной Церкви. Прими „мое“, когда Богъ возвѣстилъ тебѣ желать его. Не читай никакихъ инославныхъ сочинителей: у нихъ Духъ Святой замѣненъ кровію необузданною, пламенною; они могутъ завлечь въ пропасть—и увлекаютъ туда многихъ. Духа Святаго нѣтъ у нихъ; у нихъ свой духъ,—мрачный, льстивый духъ ереси темной и гордой. Упоминаемое тобою „дѣйствіе“. произведенное въ тебѣ чтеніемъ описанія—какое впечатлѣніе имѣли на Іоанна Богослова и Мвроносицъ отдаленные звуки молотовъ, ударявшихъ въ гвозди при распятіи Спасителя, было „кровяное“. Пойми: потрясены были нервы. Таковыя дѣйствія отвергаются въ духовномъ подвигѣ, называются „прелестными“, т. е. происходящими отъ самообольщенія и приводящими къ нему:—потому что онѣ не отъ благодати Божіей, а собственное состояніе человѣческое, свойственное естеству нашему падшему, до котораго дойдено напряженіемъ воображенія, и чувствительности. Неопытные въ духовной жизни приписываютъ такія состоянія свои дѣйствію благодати; отъ сего является мнѣніе о себѣ; усвоившееся мнѣніе есть самообольщеніе или прелесть. По этому должно держать себя въ состояніи ровности, тишины, спокойствія, нищеты духа, удаляясь тщательно отъ всѣхъ состояній, производимыхъ разгоряченіемъ крови и нервъ.—Не ударяй себя ни въ грудь, ни въ голову, для исторженія слезъ: такія слезы—отъ потрясенія нервовъ, кровяныя, не просвѣщающія ума, не смягчающія сердца. Ожидай съ покорностію слезы отъ Бога. Какой-то святой, невидимый перстъ, — какой-то тончайшій помысль смиренія, коснется сердца—и придетъ слеза тихая, слеза чистая, измѣнитъ душу, не измѣнитъ лица; отъ нея не покраснѣютъ глаза,—кроткое спокойствіе проліется въ выраженіе лица, содѣлаетъ его Ангело-подобнымъ.

Когда я дочиталъ въ твоемъ письмѣ до слѣдующаго: „ни малѣйшаго луча благодати или признака добра не нахожу въ томъ, о комъ такъ громко и много говорили люди.. И ваше незлобивое сердце повѣрило молвѣ и вѣрно осудило въ неправдѣ мою раздражительность“...—я отъ души разсмѣялся... Мнѣ нуженъ письменный твой отвѣтъ, чтобъ мнѣ оправдаться предъ самимъ собою. Я не довѣряю никому такъ

мало, какъ самому себѣ; не страшусь никого болѣе, какъ самаго себя. Кто я, чтобъ вести къ Богу душу человѣческую, созданную по образу и подобию Его? Моя душа заблудилась въ пустынь, увязла въ тѣмнѣни. На заботы объ ней нужно мнѣ употребить краткое время моего земнаго странствованія. Таковъ я предъ моими очами, ...Христось съ тобою.

12 Окт. 1847 г.

Письмо LXXXIX

къ брату занимающемуся умною молитвою.

Какъ ты думаешь?—въ чемъ недостатокъ, на который могъ бы я особенно пожаловаться при неисходномъ изъ келліи уединеніи моемъ?—На недостатокъ времени. Болѣзненность и леченіе пожирають у меня все время. Лежу, лежу, лежу въ бездѣйствіи, въ онѣмнѣни: сильное лѣкарство вытягиваетъ изъ жилъ и костей застарѣвшую простуду, какъ цирюльникъ выдавлиываетъ кровь изъ припущенной пьявицы. Если, Богъ дастъ, поокрѣпну,—придутъ занятія, которыя теперь терпѣливо ждуть меня,—начнутъ отнимать время. Если возвращусь въ Петербургъ и Сергіеву Пустынь,—тамъ обрушатся на меня братія, друзья, знакомые, любопытные, дѣла монастыря и монастырей,—похитятъ все время. Подумаль я: теперь, въ свободныя минуты мало по малу составляю для Леонида обѣщанное ему мною описаніе и объясненіе нѣкоторыхъ иноческихъ дѣланій,—вмѣстѣ дамъ отвѣты на нѣкоторыя статьи его писемъ.

Мы не сходимся съ тобою въ понятіяхъ при нѣкоторыхъ употребляемыхъ нами выраженіяхъ; подъ однимъ и тѣмъ-же словомъ ты разумѣешь одно,—я другое. Напримѣръ подъ словомъ: „духовный, духовность“. ты разумѣешь то, что всѣ нынѣ приняли разумѣть,—такимъ разумѣніемъ удаляешься отъ смысла, соединеннаго съ этимъ словомъ въ Священномъ Писаніи и Писаніяхъ Святыхъ Отцевъ. Нынѣ книга—лишь о религіозномъ предметѣ, уже носитъ имя „духовной“. Нынѣ—кто въ рясѣ, тотъ—неоспоримо „духовный“;—кто ведетъ себя воздержно и благоговѣйно, тотъ „духовный“ въ высшей степени! Не такъ научаетъ насъ Св. Писаніе, не такъ научаютъ насъ Святые Отцы. Они говорятъ, что человѣкъ можетъ быть

въ трехъ состояніяхъ: въ естественномъ, нижеестественномъ или чрезъестественномъ и вышеестественномъ. Эти состоянія иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, безстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащій вполнѣ временному міру, хотябы онъ и не предавался грубымъ порокамъ. Естественный, душевный, пристрастный есть живущій для вѣчности, упражняющійся въ добродѣтеляхъ, борющійся со страстями, но еще не получившій свободы, невидящій ясно ни себя, ни ближнихъ, а только гадательствующій какъ слѣпецъ, оцупью. Вышеестественный, духовный, безстрастный есть тотъ, кого осѣнилъ и обновилъ Духъ Святой, кто будучи исполненъ Имъ, дѣйствуетъ, говоритъ подъ вліяніемъ Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такіе,—точно: свѣтъ міру и соль земли,—видятъ себя, видятъ и ближнихъ; а ихъ увидѣть можетъ только подобный имъ духовный. „Духовный вся востязуетъ, самъ же ни отъ единого востязуется“ (1 Кор. 2, 15), говоритъ Писаніе. Такіе встрѣчаются нынѣ крайне рѣдко. Въ жизни моей я имѣлъ счастье встрѣтить одного,—и до нынѣ странствующаго на земли,—старца, лѣтъ около 70, изъ крестьянъ, малограмотнаго: онъ жилъ во многихъ мѣстахъ Россіи, въ Аѳонской горѣ,—говорилъ мнѣ, что и онъ встрѣтилъ только одного. Держись, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ терминологіи Св. Отцевъ, которая будетъ соотвѣтствовать твоей жизни практической, которая часто несогласна съ терминологією новѣйшихъ теоретиковъ. Прости, что назову теоретиковъ—мертвыми! Пусть эти мертвые возьмется съ своими мертвецами, т. е. съ тѣми, которые хотятъ слышать Слово Божіе съ цѣлю насладиться краснорѣчіемъ, кровяными порывами, игрою ума, но не съ тѣмъ чтобы „творить Слово“.—Послѣднимъ нужно сказать: „съ какою пріятностію мы слушали,—провели время“, а первымъ нужно, чтобъ объ нихъ сказала міръ: „ахъ! какъ они умно, прекрасно говорятъ“. Не прельстись ни умомъ естественнымъ, ни краснорѣчіемъ! Это все—прахъ! Этому краснорѣчію и этому уму сказано: „земля еси!“ Впрочемъ я понимаю, что ты вкусивши жизни не можешь удовлетвориться мертвымъ! Прекрасно сказалъ Св. Симеонъ Новый Богословъ: „Притворяющихся добродѣтельными и козю овецю, по наружности являющихъ одно, дру-

гое же сущихъ по внутреннему человѣку, всякія исполненныхъ неправды, полныхъ зависти и рвенія и сластей злосмердія, весьма многіе яко безстрастныхъ и Святыхъ чтуть, имѣя неочищенное душевное око, ниже могуще познати ихъ отъ плодовъ ихъ; во благоговѣніи же и добродѣтели и простотѣ сердца пребывающихъ и святыхъ сущихъ воистинну, яко прочихъ отъ человѣкъ пренебрегаютъ, и, презирающе ихъ, претекають, и за ничтоже вмѣняютъ.—Глаголиваго и тщеславнаго, учительнымъ паче и духовнымъ таковыя быти вмѣняютъ. Духомъ Святымъ вѣщающаго, высокоумдренніи и гордостію недугующіе діаволею, яко высокоумдра и горда отвращаются, отъ словесъ его ужасающеса, паче нежели умиляющеса. Отъ чрева же и ученій тонтословствующаго, и противу спасенія своего лгущаго, вельми похваляютъ и пріемлютъ“. 1) Равнымъ образомъ только тѣ книги въ точномъ смыслѣ могутъ быть названы „духовными“, которыя написаны подъ вліяніемъ Святаго Духа. Не увлекайся общимъ потокомъ, но слѣдуй по узкой стези вслѣдъ за Святыми Отцами. Ты полюбилъ мое: сообщаю тебѣ, какъ я старался вести себя.

Написалъ ты мнѣ въ письмѣ твоемъ: „Бѣгай людей и спасешься!“ „быль вѣщій гласъ къ Арсенію.—Какъ-же любящему безмолвіе сносить тѣсноту общежитія наравнѣ съ новоначальными и еще мятущимися охотно?“—Когда Святый Арсеній былъ въ столицѣ, при Дворѣ Царскомъ, и молился Богу, при повстрѣчавшемся ему искушеніи, не зная, что дѣлать, то былъ ему гласъ: „бѣгай человѣкъ, и спасешься!“—И тебѣ былъ этотъ гласъ, раздавался онъ въ душѣ твоей, когда ты жилъ среди многокозненнаго міра; ты послушался его, удалившись въ уединенную обитель. Ты сдѣлалъ это съ простотою сердца, искренностію, простотою намѣренія, съ малымъ предъуготовительнымъ знаніемъ монашеской жизни. Тебя повстрѣчали неожиданныя скорби и недоумѣнія! Что до того?—Богъ любитъ тебя, хочетъ даровать тебѣ милость Свою, упрямудритъ тебя,—такъ говорилъ святой инокъ—старецъ, святому иноку—юношѣ, жаловавшемуся на скорби.—Богъ послалъ скорби; Онъ пошлетъ и утѣшеніе. Когда Святый Арсеній былъ уже въ монастырѣ,—опять молился Богу:

1) 1-я часть Добротолубія, гл. 70, 71 и 72.

„Господи! научи меня, какъ мнѣ спастись.“ Ему данъ быть отвѣтъ уже полнѣе: „Арсеній, бѣгай людей, молчи, безмолвствуй: это корни безгрѣшія“.—И ты уже въ обители услышалъ: „пріучись къ молчанію“, которое очень много способствуетъ безмолвію. Уже въ обители ты слышалъ: „умри для людей“—тоже, что и „бѣгай людей“. Ты слышалъ: „научись безмолвію между людьми, при посредствѣ душевнаго подвига“, Арсеній Великій, говаривалъ въ наставленіе братіи изъ своихъ опытовъ: „подвизайся, сколько у тебя силъ, чтобъ внутреннимъ твоимъ дѣланіемъ, которое ради Бога, было побѣждено все внѣшнее“.—Макарій Великій, основатель и главный наставникъ знаменитаго подвижничества Скита Египетскаго, въ которомъ жилъ и Арсеній Великій, говаривалъ обыкновенно брати, по окончаніи Божественной литургіи: „бѣгите братія“. Однажды старцы возразили ему: „куда намъ бѣжать далѣе этой уединеннѣйшей пустыни?“ Великій угодникъ Божій показалъ имъ перстомъ на уста и повторилъ: „бѣгите братія!“

Умоляю тебя: дай цѣну, дай должный вѣсь дѣланію Святыхъ Отцевъ, которому они научились изъ Божественныхъ откровеній; дай цѣну дѣланію, которое содѣлаетъ для тебя удобнымъ спасеніе и преуспѣяніе;—дай, хотя ты, цѣну дѣланію,—говорю съ плачемъ и слезами,—дѣланію, которое нынѣ отвергнуто монахами, попрано ими, погребено въ глубокое забвеніе, въ неизвѣстность, замѣнено,—не знаю чѣмъ—какими-то играніями. „По Христъ убо молимъ, яко Богу молящу нами, молимъ по Христъ!“ (2 Кор. 5, 2)—говорилъ Апостоль. Увы! Ищу въ себѣ самоотверженія и не обрѣтаю его! Ищу человѣка, который бы рѣшился отвергнуться волей своихъ и, обнаженный всякой воли, всецѣло захотѣлъ послѣдовать Христу, исполнять Его волю,—и не встрѣчаю такого человѣка! Тоскуютъ мои взоры между многочисломъ какъ-бы въ безлюдной пустынѣ,—не находятъ зрѣлища, на которомъ бы остановились съ утѣшеніемъ!... Всѣ мы возлюбили свои пустыя и глупыя пожеланія, возлюбили тлѣнное, временное, плоть и кровь, въ нихъ живущую—смерть вѣчную!... Пусть узкій—путь самоотверженія; тѣсно на пути широкомъ своеугодія!—Тѣснимся, торопимся, толкаемъ другъ друга въ преисполненную уже, въ пресыщенную уже пропасть ада!—Есть и нынѣ подвижники,—нѣтъ на нихъ вѣн-

цовъ побѣдныхъ, вѣнцовъ Христовыхъ. Вѣнецъ Христовъ—Духъ Святой. Духомъ Святымъ вѣнчается Христосъ Своихъ воиновъ побѣдителей. Нынѣ не нисходитъ Духъ: потому что подвижники подвизаются незаконно. „Аще и подвизается кто“, сказали Апостолъ: „не вѣнчается, аще не законно подвизатися будетъ“. „Никтоже бо воинъ бывая“—возвѣщаетъ онъ: „обязуется куплями житейскими да воеводѣ угоденъ будетъ“ (2 Тим. 2). Все, что препятствуетъ самоотверженію и вводитъ въ сердце молву,—купля житейская. Гнѣвно взираетъ на нее Богъ,—отвращается отъ воина, обязавшагося куплею житейскою! Потому Святой Апостолъ убѣждаетъ ученика своего къ истинному духовному подвигу: „Ты убо злопостражди яко добръ воинъ Исусъ Христовъ“.—Говоритъ Преподобный Исаакъ Сирскій о подвижникахъ, не заботящихся объ искорененіи душевныхъ страстей: „Они ничего не пожнутъ. Какъ сѣющіи въ терніи не могутъ ожидать никакого плода, такъ и тѣ, которые потребляютъ себя злопомнѣніемъ и привязанностями; они ничего не возмогутъ совершить—лишь тщетно стонуть на ложахъ своихъ отъ бдѣнія и прочихъ утѣсненій. И свидѣтельствуется о нихъ Писаніе: „Мене день отъ дне ищутъ, и разумѣти пути Моя желаютъ, яко людіе правду сотворшии, и суда Бога Своего не оставльшии; просятъ нынѣ у Мене суда праведна, и приблизитися ко Господу желаютъ, глголюще: что яко постижомся, и не увидѣль еси? Смиримоме души наша и не увидѣль еси? Во дни пощеній вашихъ обрътаете воли ваша“, (Исаіи 58), т. е. исполняете мысли ваши, приносите ихъ какъ всеожженія, идоламъ; вы признали какъ бы богами лютыя помышленія ваши, вы приносите имъ въ жертву самовластіе ваше, честнѣйшее всѣхъ жертвъ, которое слѣдовало бы вамъ освятить Мнѣ благодареніемъ и чистою совѣстію“ (Исаакъ Сирскій сл. 58).—Говоритъ Святой Симеонъ: „Если кто преложитъ любовь къ Жениху Христу на любовь къ чему нибудь другому, тайно или явно, и сердце его удержано будетъ этою любовію; тотъ дѣлается ненавистнымъ, мерзостнымъ Жениху, недостойнымъ соединенія съ Нимъ. Онъ сказалъ: Азъ любящихъ Мя люблю“. Добротолуб. ч. 1-я, гл. 81.

Послушай, какъ древніе иноки глубоко уважали дѣланія святыхъ, какую давали имъ безцѣнную цѣну! Мы, омраченные, неспособны даже понять этого: потому что не жили су-

щественною, внимательною жизнью;—жили какъ-то легко вѣтрено, какъ бы шутя, какъ-бы вѣря и не вѣря вѣчности, двоякому воздаянію въ ней. „Нѣкогда Великій угодникъ Божій старецъ Даниилъ пошелъ съ ученикомъ своимъ изъ Скита въ обитель горней Фиваиды, гдѣ жилъ Авва Аполлосъ. Отцы, услышавъ о пришествіи его, вышли навстрѣчу ему за семь поприщъ отъ обители. Ихъ было болѣе пяти тысячъ мужей, въ числѣ которыхъ пятьсотъ знаменосныхъ. Представилось чудное зрѣлище! Они все лежали ницъ на песокъ, ожидая принять Старца, какъ бы Ангелы ожидали принять Христа. Одни изъ нихъ постилали ему подъ ноги свои одежды, другіе—клубки свои, и источники слезъ лились изъ очей ихъ. Пришелъ Отецъ Аполлосъ и, подходя къ Старцу, семьмъ кратъ падалъ ницъ предъ нимъ, покаяваясь ему. Потомъ они привѣтствовали другъ друга съ любовію. Братія начали умолять Старца, чтобъ сподобилъ ихъ услышать изъ устъ его слово спасенія. Старецъ не скоро начиналъ говорить съ кѣмъ бы то ни было. Они сѣли на песокъ внѣ монастыря. Церковь не могла вмѣщать ихъ всѣхъ. Отецъ Даниилъ велѣлъ написать ученику своему слѣдующее: „если желаете спастись,—держите нестяжаніе и молчаніе: потому что въ этихъ двухъ дѣланіяхъ—все монашеское жителство“.—Написалъ ученикъ сказанное ему старцемъ и отдалъ одному изъ братіи, который прочиталъ это братіямъ Египтянамъ. Все пришло въ умиленіе и начали плакать (Патерикъ Скитскій).

Какова была жизнь Старца, что онъ возмогъ всю жизнь монашескую сократить въ два слова!—двумя словами положить рѣшительныя границы для ума и сердца, опредѣлить дѣланіе спасенія!—Какова была жизнь братій, какъ души ихъ были богаты опытами вниманія себѣ, разсматриванія себя, что поняли всю глубину слова старцева и отвѣчали ему общимъ рыданіемъ! Нестяжаніе,—то же, что и умерщвленіе ко всему,—содержать въ свободѣ сердце отъ всего земнаго; а молчаніе, обратившееся въ навыкъ, дать ему всю свободу непрестанно глядѣть въ сердце. Вотъ живой образъ истиннаго безмолвника, истиннаго инока, мертвеца для міра, таинственнаго священника и архіерея, приносящаго Богу непрестанную жертву глубокихъ, святыхъ помышлений и чувствованій, и жертву превысшаго ихъ сердечнаго

и умнаго молчанія,—этого таинственнаго, священнаго мрака, за которымъ непосредственно—Богъ.

Послушай, что Господь сказалъ. Дай цѣну и вѣсь словамъ Господа!... все для насъ безъ цѣны и безъ вѣсу!... Съ цѣною и вѣсомъ только одни наши пожеланія!... *„Подобно есть Царствіе небесное сокровищу сокровенному на селѣ, еже обрѣтъ чловѣкъ скры: и отъ радости его идетъ, и вся елика имать, продаетъ и купуетъ село то“*. (Матѣ. 13, 44).—Что за сокровище?—Духъ Святой, вводящій въ душу Отца и Сына.—Какое село, на которомъ скрыто это сокровище?—Покаяніе.—Какъ это село обрѣтается? Живою вѣрою. — Что значить радость?—Разженная ревность къ дѣлу Божію, раждающаяся отъ живой вѣры.—Что знаменуетъ: „скры“.—Молчаніе и безмолвіе.—Что значить: „вся елика имать продаетъ и купуетъ село?“—Нестяжаніе. Все, все надо продать, всякое пристрастіе, всякую сердечную наклонность, чтобъ купить покаяніе. Иначе оно не продается. Если удержана бездѣлица сердцемъ,—не можетъ сердце наслѣдовать покаянія: эта бездѣлица развлекаетъ его. Скрыться надо молчаніемъ, скрыться не только отъ людей,—если можно, и отъ себя. Кто же это исполнить, того—село покаянія; кто пріобрѣлъ это село—того сокровище—Всесвятая Троица. О! когда бы Она призрѣла на насъ бѣдствующихъ въ волнахъ невидимаго моря, даровала бы намъ, мнѣ и тебѣ, самоотверженіемъ наслѣдовать страну покаянія, содѣлалась бы нашимъ сокровищемъ, богатствомъ неизмѣримымъ и неисчислимымъ.

Позволь мнѣ сдѣлать тебѣ предложеніе: согласись, чтобъ за молчаніе, когда будешь мало-по-малу вводить себя въ навикновеніе молчанія, тебя сочли немного страннымъ, сказали бы о твоей странности и то и другое. Согласись на это съ великодушіемъ: оно не будетъ противно волѣ Божіей и уединитъ болѣе твое сердце. *„Аще кто мнится мудръ быти въ тѣхъ семъ“*, заповѣдалъ Богъ Своимъ Апостоламъ *„буй да бываетъ яко да премудръ будетъ“*—(1 Кор. 7, 18).

Пишешь: „дома у меня нѣтъ уединенія, въ храмѣ оно часто нарушается... соединенію мыслей мѣшаетъ безпокойный помысль: за мною подглядываютъ“. Въ евангеліи сказано: *„назираху да обрящутъ рѣчь канъ“* (Лук. 6, 7). За кѣмъ „назираху“? За Господомъ. Позволь, чтобъ и за тобою назирали,

примиришь съ этимъ. Не отказывайся отъ чаши Христовой, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ. Скажи себѣ: „съ Христомъ такъ поступали, отъ чего же со мною не поступить такъ“? Земная жизнь наша коротка—точно обманъ: ея скорби, по самой—вещи, ничего не значать;—имѣютъ столько значенія, сколько имъ даемъ его. Смиреніе принесетъ въ твое сердце миръ, молитву, безмолвіе.—Когда ты дома—думай, что ты съ Ангелами; принося услугу, обращаешь съ ними, говори мысленно: „Ангелы Божіи! примите служеніе отъ грѣшника“. Сидишь—ли за трапезой, за чаемъ, за рукодѣліемъ, говори себѣ: „Сподобляюсь быть съ Ангелами Божіими“. Любовь къ ближнему въ Богѣ приноситъ сердцу утѣшеніе отъ Бога, а это утѣшеніе уединяетъ человѣка въ самомъ себѣ. Онъ любитъ ближняго и вмѣстѣ мертвъ для него; сердце его погружается въ безмолвіе, которое—начало любви Божіей.

Пишешь: „Не освобождаясь отъ тревожныхъ ощущеній сердца, и волненій ума и принуждая себя къ мысленному занятію, я только чувствую сильную головную боль и нервное разстройство“.—Повторяю тебѣ, что всѣ внѣшнія волненія и тревоги должны быть побѣждены внутреннимъ дѣланіемъ. Надо, чтобы съ сердца началось обновленіе; сердце—корень. „*Аще корень святъ, то и вѣтви*“ (Матѣ. 23, 26). Этотъ образъ подвига установленъ Самимъ Спасителемъ. „*Очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда*“, сказалъ Онъ: „*да будетъ и внѣшнее ихъ чисто*“ (Матѣ. 23, 26). Придетъ тревога,—отвергни мысли, приносящія ее, уйми волненіе крови, принимая за вѣрное, что всякая мысль, приносящая тревогу,—Богонеприятная, и опять продолжай молитвенное занятіе. Во всѣхъ подвигахъ, въ особенности же въ молитвѣ, требуется постоянство и терпѣніе. Нетерпѣливость сбиваетъ нѣжный цвѣтъ ея, какъ иней и вѣтры сбиваютъ цвѣтъ плодовыхъ деревьевъ. „Въ молитвахъ терпите“, (Колос. 4, 2), сказалъ Апостоль: это отличительное свойство упражненія молитвою. Сначала,—вводя умъ въ молитву, приучая къ ней, не держи его долго въ ней, чтобъ онъ не утомился излишне, но зато почаще вводи его въ молитвенное занятіе. Ахъ! требуетъ понужденія это занятіе! Не любитъ преступникъ—умъ нашъ—темницы молитвенной; ему нужна безумная свобода; съ насиліемъ надо влечь его въ темницу, въ узы; безъ того не

укротится, не возвратится къ здоровому смыслу бѣснующітся. Въ свое время, когда онъ укротится, сдѣлается тихъ, какъ Ангель,—выдетъ ему навстрѣчу сердце со всѣми душевными силами, какъ съ чадами, со всѣми тѣлесными способностями, какъ съ рабами,—и бываетъ миръ дому тому, святыи миръ отъ пресвятаго Господа, праздникъ велии обновленія и воскресенія.—Головная боль—обыкновенный первоначальный спутникъ глубокаго вниманія слову Божію и молитвѣ. *„Живо слово Божіе“*, говоритъ Апостолъ: *„и двѣйственно и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра и проходящее даже до раздѣленія души же и духа, членовъ и мозговъ и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ“*. (Евр. 4, 18). Нетолько у тебя она болитъ, нетолько болѣла у меня; болѣла она у Святыхъ Отцевъ,—и они это помѣстили въ своихъ Писаніяхъ. Говоритъ Преподобный Григорій Синайскій: *„И рамены боля и главою многожды болѣзнуя, терпи та притруднѣи рачительнѣ, взыскуя въ сердцѣ Господа“*. Бываетъ по временамъ отъ упражненія въ молитвѣ разслабленіе всего тѣла, потъ, жаръ; все это у начинающихъ;—у преуспѣвшихъ, молитва укрѣпляетъ, питаетъ душу и тѣло. Но потъ бываетъ и у нихъ. Впрочемъ тебѣ преподанъ самый легчайшій способъ вниманія и молитвеннаго подвига, чуждый всякаго труднаго механическаго тѣлеснаго упражненія, для котораго необходима крѣпость здоровья. На мелочи, на всѣ ощущенія въ тѣлѣ, обращай какъ можно меньше вниманія, наблюдай, чтобъ умъ твой пребывалъ въ покаяніи и удалялся отъ развлеченія. Надѣюсь, что головныя боли твои не будутъ долго продолжаться. И у меня продолжались не долго. Послѣ того, когда онѣ прошли, молитвенное занятіе сдѣлалось какъ бы болѣе свойственнымъ уму и болѣе легкимъ для него. Ты не требуй отъ ума твоего, при молитвѣ, превышающаго силы его, на примѣръ, нерушимой полной неразсѣянности. Показывай мысленно немощь и ветхость твою Богу, говори: *„Господи! Ты видишь всю ветхость мою!“*—и, терпя, терпи великодушно немощь ума твоего. Не напрасно и не безъ цѣли сказано: *„Терпя, потерпѣлъ Господа,—и внять ми, и услыша молитву мою: и возведе мя отъ рова страстей, и отъ брениа тины, и постави на камени козъ мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста моя пльнь нову“* (Псал. 39, 1—4).

Во второмъ письмѣ пишешь: *Изми мя, Господи, отъ чловѣка лукава, отъ мужа неправедна избави мя, иже помыслиша неправду въ сердцѣ, весь день ополчаху брани. Изостриша языкъ свой яко змѣи, ядъ аспида въ устахъ ихъ. Сохрани мя, Господи, изъ руки грѣшника, отъ чловѣкъ неправедныхъ изми мя, иже помыслиша запыти стопы моя*.—Какъ ты думаешь, кто чловѣкъ лукавый, мужъ неправедный, грѣшникъ, весь день ополчающій брани, съ ядомъ аспида подъ устами?—Это дѣволъ.—Когда Святой Давидъ проклинаетъ враговъ, или правильнѣе, устами его Духъ Святой, то въ этихъ случаяхъ надо всегда разумѣть духовъ нечистыхъ, враговъ рода чловѣческаго, отнявшихъ у насъ рай, хотящихъ отнять дарованное намъ Богомъ искупленіе и спасеніе. Въ Писаніи дѣволъ иногда называется чловѣкомъ. Такъ Спаситель назвалъ посѣявшаго плевелы между пшеницею „*врагомъ-чловѣкомъ*“. Книга Псалтырь—возвышеннѣйшая духовная книга. Въ ней глубоко и подробно описанъ внутренній подвигъ воина Христова. Часто употреблены прообразовательныя тѣни и иносказанія, дающія книгѣ таинственность и темноту—(не безъ причины на ней завѣса!). Не надо принимать ее буквально: буквальное разумѣніе Писанія убиваетъ душу. Необходимо разумѣніе духовное: оно оживотворяетъ, поставляетъ на стези правыя, святыя. Духъ Божій, заповѣдая устами Давида совершенную ненависть къ невидимымъ врагамъ душевнымъ, научающій насъ прибѣгать молитвою къ Богу о сокрушеніи и истребленіи ихъ,—въ то же время требуетъ отъ насъ любви ко врагамъ нашимъ—чловѣкамъ, требуетъ прощенія нанесенныхъ намъ обидъ отъ нашихъ ближнихъ, требуетъ этого съ заклинаніемъ: „*Господи Боже мой*“, молится Псалмопѣвецъ: „*аще сотворишь сіе, аще есть неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми зла: да отпаду убо отъ врагъ моихъ тощъ, да поженеть убо врагъ душу мою, и да постигнетъ, и попереть въ землю животъ мой, и славу мою въ персть вселитъ*“ (Пс. 7, 4—6). Здѣсь представлены двѣ стороны, дѣлающія зло: ближніе, чловѣки,—и дѣволы. Духъ Святой научаетъ насъ, что мщеніемъ, воздаяніемъ ближнему зла за зло,—словами-то, или дѣлами, или помыслами,—чловѣкъ призываетъ на себя брань невидимаго врага, побѣжденіе, низложеніе имъ, потерю благодати. „*Слава*“—благодать Духа. „*Молящійся за*

человѣковъ, причиняющихъ обиды“, сказалъ Преподобный Марко Подвижникъ: „сокрушаетъ бѣсовъ; а препирающійся съ первыми, сокрушается отъ вторыхъ“. Все это ты испыталъ самымъ опытомъ. Итакъ отвергни всѣ оправданія, которыя всѣ неправильны, потому что противоборствуютъ заповѣди Божіей; постарайся непремѣнно стяжать любовь къ врагамъ, и доколѣ не можешь взять этой твердыни, „укрѣпти брань“, брань постоянную, повторяй приступы за приступами. То-есть молись за тѣхъ, отъ которыхъ терпишь напасти, и исполняй заповѣданное Господомъ, относительно враговъ въ концѣ 5-й главы Евангелія Матѳея,—получишь непремѣнно исцѣленіе! Въ свое время начнетъ развѣваться знамя побѣды, знамя Креста Христова, на стѣнахъ твоего Іерусалима.—Знай: Божественное Писаніе, неправильно понимаемое и толкуемое, можетъ погубить душу. Такъ сказалъ Святый Апостоль Петръ о посланіяхъ святаго Апостола Павла, распространивъ это замѣчаніе и на прочія книги Священнаго Писанія (2 Петр. 3, 16), что особенно должно отнести къ Ветхому Завѣту, исполненному прообразованій, тѣней, а потому и священной мрачности. Осторожно обходись съ мечемъ обоюдо-острымъ—Писаніемъ. Святые Отцы совѣтуютъ новоначальнымъ инокамъ болѣе чѣмъ въ чтеніи Священнаго Писанія упражняться въ чтеніи дѣятельныхъ Отческихъ сочиненій, въ которыхъ объяснены подробно иноческіе подвиги и указанъ путь къ правильному разумѣнію Священнаго Писанія. И ты послѣдуй этому святому и спасительному совѣту Отцевъ. По той же причинѣ новоначальнымъ полезнѣе для молитвословія читать акаѳисты и каноны, нежели Псалтырь. Но превосходнѣе всего когда умъ достигнетъ до того, чтобъ ему вполне удовлетворяться молитвою: „Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго“.

Пишешь во второмъ письмѣ: „Жажду, а не жду отъ себя ничего добраго, ниже совершеннаго чувства покаянія или смиренія“.—Покаяніе—дивная благодать Божія, безцѣнный даръ Божій, совокупность всѣхъ дѣланій иноческихъ. Инокъ, воспитанный всѣми частными дѣланіями, достигшій значительной зрѣлости, оставляетъ многія оружія свои, облекается въ одежду покаянія и въ ней входитъ во внутреннюю душевную клѣтку свою. Когда онъ войдетъ туда и раз-

дастся въ ней благоуханіе священнаго кадила молитвъ сокрушенныхъ и смиренныхъ; тогда нисходитъ Духъ къ плачущей душѣ и благовѣствуетъ ей миръ отъ Бога. На все есть свое время. „*Времена и лѣта положилъ Отець Небесный во власти Своей*“ (Дѣян. 1, 7.). Ты не требуй отъ души своей излишняго; сиди при дверяхъ покаянія съ самоотверженіемъ, какъ по всѣмъ отношеніямъ вдовица, и тѣмъ доказывай, что истинно желаешь смиренія, отъ котораго—покаяніе; податель того и другого—одинъ Богъ.

Въ прошедшемъ письмѣ написалъ я тебѣ, какъ бороться съ помыслами и возмущеніями. Опять повторяю: препояшесь мечемъ, оденься во всеоружіе. Не удостоивай враговъ твоихъ не только бесѣды, ниже слова, ниже возрѣнія. Только что услышишь гласъ войны,—вставай на сраженіе, возглашая твоимъ помышленіямъ и чувствованіямъ: „*мужаемся и укрѣпимся о людехъ нашихъ и о градѣхъ Бога нашего!*“ (2 Цар. 10, 12). Гласъ войны—нарушеніе мира сердечнаго. Едва миръ сердца начнетъ нарушаться, колебаться,—знай: идутъ иноплеменики. И вотъ тебѣ завѣтъ отъ Бога относительно поведенія твоего съ иноплемениками: „*Избіеши я, пагубою погубиши я: да не завѣщати къ нимъ завѣта, ниже помилуеши ихъ: ниже сватовства сотвориши съ ними: дщери твоя не дади сыну его, и дщери его да не поймеша сыну твоему. Отврати бо сына твоего отъ Мене и послужитъ бѣсомъ и чуждъ: и разнѣвается Господь гнѣвомъ на вы, и потребитъ тя вскорѣ. Но сице да сотворите имъ: требища ихъ разсыплете, и столпы ихъ да сокрушите, и дубравы ихъ да постычете, и ваянія боговъ ихъ да сожжете огнемъ: яко люди святы есте Господеви Богу вашему и всѣхъ избра Господь Богъ вашъ*“ (Второз. 7, 2—6). Сватовствомъ и супружествомъ изображается здѣсь бесѣда съ помыслами грѣховными, принятіе, усвоеніе помысловъ и ощущеній грѣховныхъ. Кумиры—предметы пристрастія, страсти, особенной привязанности; ихъ должно сжечь огнемъ молитвы, огнемъ любви по Богу. Требища—своя воля, воля плоти и крови: столпы—оправданія; дубравы тѣнистыя—плотской разумъ, которымъ заслоняется отъ насъ Свѣтъ Божественный. Исполняли это повелѣніе Божіе истинные рабы Божіи. Когда Давидъ завладѣлъ столицею Аммонитянъ, Равваомъ,—„*взя*“, говоритъ Писаніе: „*отънець Малхома царя ихъ съ главы его, талантъ злата вѣсъ его и отъ каменія драга,*

и бы на главъ Давидовъ, и корысть изнесе изъ града многу зѣло. И люди суція въ немъ изведе, и положи на пилы и на трезубы желѣзны и на стѣкеры желѣзны, и превождаше ихъ сквозь пещь плинѣяну. И тако сотвори вѣсмъ градомъ Аммонимъ, и возвратися Давидъ и весь Израиль во Иерусалимъ“ (2 Цар. 12, 30, 31).—Точно: славословіе Бога, благодареніе Богу за все случающееся скорбное, преданіе себя всецѣло волѣ Божіей, съ отверженіемъ своей воли; молитва за враговъ, благословеніе враговъ, какъ орудій Промысла Божія,—и прочія святія дѣланія:—и пилы, и трезубы и стѣкеры и пещь плинѣяная для грѣховныхъ помысловъ и ощущеній. Умъ нашъ,—таинственный Давидъ,—царь и предводитель воинства Израильтянъ,—помышленій и чувствованій Богослужебныхъ, когда возметъ градъ и грады иноплеменниковъ; тогда возвращается во Иерусалимъ со всѣми Израильтянами своими,—въ градъ мира (Иерусалимъ—значить „градъ мира“), откуда выводила его война съ иноплеменниками. На главѣ его вѣнецъ Малхома—разумъ дѣятельный, пріобрѣтенный имъ на брани съ грѣховными начинаніями,—въ ея подвигахъ, трудностяхъ, несчастіяхъ и торжествахъ; съ нимъ—„корысть многа зѣло“—опыты драгоцѣнные, могущіе препитывать, поддерживать его на будущее время, поддерживать и препитывать совѣтующихся съ нимъ. Талантъ вѣсу въ золотомъ вѣницѣ, пріобрѣтенномъ Давидомъ: тяжеловѣсенъ драгоцѣнный разумъ дѣятельный; богатый опытностію, онъ не колеблется, не увлекается всякимъ являющимся уму помысломъ, но съ недовѣрчивостію разсматриваетъ, испытываетъ его, хотя бы онъ и казался благимъ. Такъ Исусъ Навинъ, военачальникъ Израильскій, вопрошалъ представшаго внезапно предъ нимъ неизвѣстнаго витязя, хотя то былъ Ангель: „нашъ-ли еси, или отъ сопостатъ нашихъ“ (Ис. Нав. 5, 13).

Конецъ слова, заключеннаго въ предѣлахъ совѣта: если случится пасть, побѣдиться, увлечься, обмануться, согрѣшить предъ Богомъ—не предавайся унынію, малодушію. Тотъ-же прообразовательный Ветхій Завѣтъ говоритъ: „*сиче да речеши ко Иоаву (вождю Израильтянъ), да не будетъ зло предъ очима твоима слово сіе, яко овогда убо сиче, овогда же инако поядаетъ мечъ; укрѣпи брань“* (2 Цар. 11, 25). Будь снисходителенъ къ себѣ, не засуждай себя. При побѣжденіяхъ прибѣгай къ Богу съ раскаяніемъ,—и простится тебѣ

побѣжденіе твое; а ты снова за мечъ, и на сѣчу:— „Ужръли брань!“—Упорною, постоянною войною возьми градъ!—Господь пришелъ призвать грѣшниковъ на покаяніе, а не для праведниковъ!—Ты уподобляешь себя слѣпцу Евангельскому, вопіющему вслѣдъ Спасителя и возбраняемому... „Возстани, дерзай: Божественный Учитель зоветъ тя... Въра твоя спасе тя“ (Марк. 10, 49. 52).

Письмо ХС

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

На слова письма твоего: „возьми меня, добрый пастырь, и причти къ овцамъ твоего стада“, отвѣтъ мой: „примя меня, ближній мой, въ услуженіе тебѣ на пути твоёмъ ко Христу“.

Такъ отвѣчать научаетъ меня святой Апостоль Павелъ. Онъ написалъ Коринтянамъ: „не себе проповѣдаемъ, но Христа Иисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Иисуса Господа ради“ (2 Кор. 4, 5).—Не себя проповѣдую! Нѣтъ!.. Сохрани Боже!.. Пусть стою въ сторонѣ! Такъ стоять, извѣщается моему сердцу, пріятно ему. Довольно, если указывая тебѣ на Мессію, сподоблюсь говорить: „Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра (Іоан. 1, 29), второй человекъ Адамъ, Господь съ небесе“ (1 Кор. 15, 47. 47). „Облекохомся во образъ перстнаго“ рожденіемъ невольнымъ по плоти, „облечемся и во образъ небснаго“, уже невѣдомо во младенчествѣ, облеченные въ этотъ образъ крещеніемъ, разоблаченные жительствомъ нерадивымъ,—облечемся снова покаяніемъ и жительствомъ по Евангельскимъ заповѣдямъ. Исполнимъ слова Господа, Который повелѣлъ ученикамъ Своимъ: „не нарицайте учителя, не зовите отца на земли, не нарицайте наставницы; вси же вы братія есте“ (Матѣ. 23, 8. 9. 10). Соблюдаемъ взаимную мертвость, говоря другъ о другѣ Богу: „Твое Тебѣ,—и да пребываетъ Твоимъ“! Люди, оживая безумно другъ для друга, оживая душевною глупою привязанностію, умирають для Бога, а изъ пепла блаженной мертвости, которая—ради Бога, возникаетъ, какъ златокрыльй фениксъ, любовь духовная.

Истинное послушаніе—послушаніе Богу, единому Богу.

Тотъ, кто не можетъ одинъ, самъ собою, подчиниться этому послушанію, беретъ себѣ въ помощники человѣка, которому послушаніе Богу болѣе знакомо. А не могутъ—люди съ сильными порывами: потому что порывы уносятъ ихъ. Св. Іоаннъ Лѣвiticъ сказалъ: „Отцы опредѣлили, что псалмопѣніе—оружіе, молитва—стѣна, непорочная слеза—умывальница, а блаженное послушаніе—исповѣдничество, безъ котораго никто изъ страстныхъ не узритъ Господа“ (Степ. 4). Если же руководитель начнетъ искать послушаніе себѣ, а не Богу,—не достоинъ онъ быть руководителемъ ближняго!—Онъ не слуга Божій!—Слуга дьявола, его орудіе, его сътъ! „Не будите раби человѣкомъ“ (1. Кор. 7, 23),—завѣщаетъ Апостоль.

Пребываніе твое съ родителемъ твоимъ по плоти, служеніе ему, разумѣется, должно остаться, какъ оно теперь есть. Заповѣдано инокамъ удаленіе отъ родителей, когда родители влекутъ въ міръ, отвлекаютъ отъ Христа; но когда они содѣйствуютъ нашимъ благимъ намѣреніямъ, когда они больны, беспомощны,—нуждаются въ рукѣ нашей,—тогда ли отнять эту руку? Тогда помощь и служеніе имъ причисляются къ иноческимъ добродѣтелямъ, одобрены и похвалены Святыми Отцами. (Преп. Кассіанъ Римлянинъ).—Все духовное преуспѣяніе заключается въ томъ, чтобъ сердце, отрехшись перемѣнчивыхъ, безтолковыхъ законовъ,—правильнѣе,—беззаконія своей воли, приняло законы Евангелія, всюду подчинялось имъ. Истинное послушаніе—въ умѣ и сердцѣ. Тамъ и самоотверженіе! Тамъ и ножъ, о которомъ повелѣло Евангеліе ученику своему: „да продастъ ризу свою и купитъ ножъ“ (Лук.). Риза — нѣжность, удовлетвореніе пріятныхъ чувствъ сердечныхъ по плоти и крови.

Такое понятіе о послушаніи, самоотверженіи, духовномъ преуспѣяніи оставляетъ наружное поведеніе въ полной свободѣ. Да благословитъ Богъ пребываніе твое всюду, гдѣ бы ты ни былъ, когда сохранишь цѣль Богоугожденія. Да благословитъ Богъ всѣ входы твой и исходы, если входить и исходить будешь съ этою цѣлію! „Господня земля и исполненіе ея; на всякомъ мѣстѣ владычества Его. Тѣмъ же и тѣмъ же, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти“ (2 Кор. 5, 9). Никакое мѣсто въ глазахъ моихъ не имѣетъ особенной важности; а жизнь ради Бога на всякомъ мѣстѣ безцѣнна.

Начну же говорить недосказанное въ прежнихъ письмахъ... Ты не совсѣмъ угадалъ,—что мною было недосказано!.. Приѣхавъ къ вамъ въ обитель, увидѣвъ тебя, я тотчасъ ощутилъ, что тутъ—не твое мѣсто; сердце мое было недовольно, что ты тутъ. Но сказать тебѣ это я былъ не вправѣ до сей минуты, когда ты далъ мнѣ право на откровенность, завоевавъ ее своимъ самоотверженіемъ.—Странникъ обязанъ приносить миръ всюду, куда онъ ни входитъ, и оставлять миръ.—Нужно тебѣ мѣсто и настоятель, которые бы доставили,—не намѣренно, по договору, но по естественному общему ходу,—свободу уму твоему идти по пути, который Богъ благоволитъ указать ему. Богъ да благословитъ твое намѣреніе и да даруетъ привести его въ исполненіе къ душевной твоей пользѣ и къ успокоенію страждущаго родителя твоего. Только поступи основательно, спокойно, неторопливо, часто моля Бога привести тебя туда, куда Ему угодно. Уже ты испыталь, какво кинуться въ воду, не измѣривъ напередъ броду. И не позволяй себѣ при твоёмъ изшествіи никакихъ поступковъ и словъ, которыми было оскорблено, нарушено святое смиреніе. Молчаніе лучше лучшихъ словъ. Выдь, какъ непотребный и грѣшный отъ честныхъ и святыхъ. Тогда рука Божія будетъ съ тобою, рука, которая ведетъ и поддерживаетъ смиренныхъ,—караетъ и сокрушаетъ гордыхъ. Желая, чтобы всюду поведеніемъ твоимъ благовѣствовалось Евангеліе!—Этого желаю непремѣнно! Здѣсь являю власть ради Бога: окажи послушаніе ради Бога.

Думаю: при избраніи новаго мѣста надо имѣть тебѣ въ виду, чтобы однажды въ годъ или по крайней мѣрѣ въ два года, можно было тебѣ имѣть личное со мною свиданіе и бесѣду. Такъ дѣлають нѣкоторые иноки, по обстоятельствамъ живущіе въ другихъ обителяхъ, а по извѣщенію сердечному руководствующіея моими совѣтами. Скучность въ духовныхъ свѣдѣніяхъ, которую я увидѣлъ въ обители вашей, поразила меня! Но гдѣ, въ какомъ монастырѣ и не поражала она? Свѣтскіе люди, заимствующіе окормленіе духовное въ Сергіевой Пустынѣ, имѣють свѣдѣнія несравненно большія и опредѣлительныя, нежели эти жители монастырей. Это увидишь собственными очами. Живемъ въ трудное время! „Оскуде преподобный отъ земли, умалишаяся правды

отъ сыновъ человѣческихъ"! Насталъ гладъ слова Божія! Ключи разумѣнія у книжниковъ и фарисеевъ!—Сами не входятъ и возбраняютъ входъ другимъ! Христіанство и монашество при послѣднемъ ихъ издыханіи! Образъ благочестія кое-какъ, наиболѣе лицемѣрно, поддерживается; отъ силы благочестія отреклись, отверглись люди! Надо плакать и молчать.

Ничѣмъ наружнымъ не связываю тебя. Дѣлай, что признаешь за лучшее для своихъ обстоятельствъ: на всемъ, что ни предпримешь съ благою цѣлію, буди благословеніе Божіе. У меня нѣтъ *своего* благословенія; благословляю призываніемъ благословенія Божія.

Для соображенія нужно тебѣ имѣть понятіе о моихъ обстоятельствахъ. Я на нихъ кивнулъ головой, махнулъ рукой! Да будетъ со мною какъ угодно Богу! Разсматривая состояніе и потребности души моеи, я признавалъ нужнымъ мнѣ безмолвіе, глубокое безмолвіе, внѣ всякой внѣшней земной должности, служа ближнимъ служеніемъ слова. Прошлой зимой я думалъ видѣть указаніе воли Божіей къ уединенію въ крайней болѣзненности моеи и прочихъ обстоятельствахъ. Съ молитвою: „не моя, но Твоя воля да будетъ“, подалъ я просьбу объ увольненіи меня моему начальству и письмо о томъ-же Государю Императору. Сначала дѣло наклонялось къ увольненію меня; но внезапно поворотилось иначе. Государь лично изъявилъ мнѣ свое желаніе, чтобъ я возвратился въ Сергіеву Пустыню,—и полагаю, что должно туда возвратиться. Такое у меня сердечное чувство. Но инъ судъ человѣческій, инъ Божій.

Благодарю тебя за то, что ты остановился излить сожалѣніе о болѣзни моеи: этимъ угодилъ мнѣ! Вижу, что изъ тебя будетъ толкъ! Не люблю жесткаго сердца отъ грубости, отъ недостатка любви къ ближнему; но не люблю и плотскіи чувствительнаго, гающаго въ нѣжностяхъ... Знаешь-ли что нѣжность лукава?.. Я по природѣ съ сильнымъ чувствительнымъ сердцемъ, какъ и ты; потому не охотникъ позволять сердцу моему расслабленіе нѣжностію. Евангеліе научило меня, что сердце слабое неспособно къ Христіанскимъ добродѣтелямъ, что нужно его скрѣпить вѣрою, самоотверженіемъ, сдѣлать героемъ при посредствѣ внутреннихъ бореній и побѣдъ... Побѣды дѣлаютъ сердце героемъ!..

За побѣды нисходитъ въ него святая вѣра, живая вѣра, сильная вѣра!.. Насади и воспитай въ себѣ мертвость ко мнѣ. Что бы неприятое ты ни услышалъ о мнѣ,—говори: „Однажды навсегда я отдалъ его Богу—и отдаю: да совершается надъ нимъ воля Божія“.

Въ послѣдней статьѣ письма твоего говоришь: „О, еслибъ я могъ служить вамъ въ видѣ домашняго животнаго всякимъ родомъ службы какой только доступенъ мнѣ“.—Съ пріятною улыбкою на устахъ и въ сердцѣ отвѣчаю: кажется твое желаніе исполнить Богъ. Онъ такъ и устроилъ, чтобъ тебѣ быть въ одномъ дѣлѣ со мною... Не помню съ котораго времени,—а очень, очень давно,—мнѣ особенно нравились слова Апостоловъ: „Не угодно есть намъ оставльшимъ слово Божіе, служити трапезамъ... мы въ молитвѣ и служеніи Слова пребудемъ“ (Дѣян. 6, 4). Служеніе братіи Словомъ Божіимъ!.. Какою восхитительною, насладительною картиною представлялось очамъ души моей это служеніе!.. „Ни одинъ нашъ даръ“, сказалъ святой Іоаннъ Лѣвстичникъ: „столько не благопріятенъ Богу, какъ приношеніе Ему словесной души покаяніемъ. Весь видимый міръ не равночестенъ одной душѣ: онъ переходитъ, а она нетлѣнна, и пребываетъ во вѣки“. Что-же?—Безконечно милосердый Богъ подалъ мнѣ въ руки это служеніе!—Нетолько подалъ мнѣ въ руки но и извѣщаетъ многимъ душамъ искать отъ меня этого служенія! Теперь все время мое взято этимъ служеніемъ. Какъ утѣшительно перекликаются со мною многія души среди таинственной ночи міра сего съ различныхъ странъ своихъ!—иная съ одра болѣзни, другая изъ изгнанія, иная съ берегу Волхова, иная съ берегу Двины, иная съ поля Бородинскаго, иная изъ хижины, иная изъ Дворца Царскаго. Душа, гдѣ бы она ни была поставлена, если не убита нечувствіемъ, вездѣ ощущаетъ нужду въ словѣ Божіемъ, вездѣ паденіе гнететъ ее, давить. Произношу Слово Божіе въ бесѣдахъ личныхъ, пишу его въ бесѣдахъ заочныхъ,—составляю нѣкоторыя книги, которыя могли бы удовлетворить нуждамъ нынѣшняго Христіанства, служить при нынѣшнемъ голодѣ какимъ-нибудь утѣшеніемъ и наставленіемъ. Отъ служенія Слову раздается въ душѣ моей какой-то неизреченно-радостный голосъ удостовѣренія въ спасеніи... Твой жребій: принять участіе въ моемъ служеніи, и ту мзду

Духа, которая будетъ выдана по несказанной милости Божіей за это служеніе, раздѣлить со мною.—Удовлетворены ли ты?.. Нѣсколько времени,—какъ стала мнѣ приходить мысль: великопостная служба столько заключаетъ въ пѣснопѣніяхъ своихъ глубокой поэзіи, которою говоритъ душа, проникнутая святымъ покаяніемъ, что могла бы быть составлена особенная книга великопостныхъ вдохновеній въ поэтическомъ порядкѣ, съ поэтическимъ построеніемъ. Предметы этихъ пѣснопѣній именно тѣ, которыя душа твоя въ настоящемъ ея устроеніи способна правильно, полно ощутить,—потому удовлетворительно, опредѣлительно выразить. Но рѣшеніе этого дѣла—до личнаго свиданія. О немъ надо много, основательно потолковать.

Пишешь, что тонкій помысль тебѣ внушаетъ искать собственно „моего“ ученія. Вижу: такое твое призваніе. По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ. И я тебѣ этого желаю: да даруетъ тебѣ Богъ наследовать „вѣрою“ сокровище духовное.

Наконецъ—прими мое поздравленіе: привѣтствую тебя со вступленіемъ въ правильный родъ иноческой жизни, отъ котораго получишь систематическое духовное воспитаніе. Такое воспитаніе—неопѣненное благо;—доставляемое имъ устроеніе душевное далеко отстоитъ отъ устроенія, хотя и похвальнаго, но пріобрѣтаемаго самоучкою, въ жительствѣ самочинномъ. Осяжи сердце твое! Не раздается-ли въ немъ чувство легости, свободы, радости, извѣщенія? Такія бываютъ ощущенія въ душѣ, когда она получить даръ свыше. Ты получилъ его, принявъ рукою вѣры. Начинай, Израиль, наследовать землю обѣтованную! (Второз. 2, 31). Христосъ съ тобою!

Письмо ХСІ

къ брату, занимающемуся умною молитвою.

Положивъ въ недостойную мою руку, какъ руку освященную, твой умъ и сердце для принесенія ихъ при посредствѣ этой руки, въ жертву Богу; пожелавъ собственно „моего“ ученія“, чего уже и я тебѣ желаю,—ты пріобрѣлъ право получить, а я вмѣняю себѣ въ обязанность тебѣ доставить краткій отчетъ моей жизни, жизни ума и сердца. Взгляни

на то, чему, не видѣвъ, увѣровалъ,—чего, не видѣвъ и не зная, пожелалъ, водимый непостижимымъ чувствомъ сердца, призваніемъ! Присылаю думу, которую я называлъ „плачь мой“, а написалъ прошедшею зимою, полагая, что указывается мнѣ отшествіе изъ Сергіевой Пустыни и даруется безцѣнное безмолвіе... Можетъ быть дѣло и идетъ къ тому!.. Вѣрнѣе:—плакать о грѣхахъ на уединенномъ берегу Волги, нежели предаваться молвамъ, сплотившимся со всею Россіи на берега Невы.

Получилъ отъ твоего Настоятеля тетрадь твоихъ стихотвореній. Зачѣмъ мнѣ прислали ее?... Неужели я скажу на вѣтеръ, скажу кому нибудь кромѣ автора, кромѣ кого-либо могущаго и нуждающагося понять дѣло, мое мнѣніе о какомъ бы то ни было сочиненіи?... Впрочемъ я прочиталъ ее:—увидѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то-же, что увидѣлъ при первомъ знакомствѣ съ тобою, съ твоею душею. Мое первое знакомство съ твоею душею,—въ Петербургѣ, въ Сергіевой Пустынѣ, въ моемъ кабинетѣ, когда я прочиталъ нѣкоторыя твои стихотворенія. Первое впечатлѣніе, произведенное на меня твоею душею, остается неизмѣненнымъ, самымъ яснымъ,—болѣе объяснилось, утвердилось. Впечатлѣніе было вѣрное, какъ вѣренъ ты. „Гдѣ этотъ человѣчикъ?—(такое имя дало тебѣ мое впечатлѣніе!) Онъ непременно житель или будетъ жителемъ святой обители!“ Въ душѣ его услышала я глубокое, истинное призваніе къ Богу. Это призваніе отдалось чѣмъ-то знакомымъ.—Пріѣзжаю къ вамъ въ обитель; неожиданно называютъ, указываютъ мнѣ тебя:—гляжу: „да—это тотъ самый человѣчикъ!“... Я глядѣлъ на душу; для лица и для всего вещественнаго я—точно безъ глазъ. Черты фізіономіи какъ разъ забываю; черты души, и самыя тонкія, остаются запечатлѣнными въ памяти.

Увидишь изъ прилагаемой статьи, что твое давнее призваніе (такъ устроишь насъ Создатель-Богъ!); послѣдовать и наследовать мнѣ, тому моему, что не мое собственно,—усвоилось мнѣ по великой милости Господа, хотя я и исполнѣ недостойнѣ такой милости. Мнѣ нравятся тѣ твои сочиненія, которыя вижу въ утѣшающей меня дали твоего будущаго. Я угадываю твои будущія сочиненія по настоящимъ: душа, какъ выказывающаяся при ея собственномъ свѣтѣ и вдохновеніи, отъ которыхъ еще несетъ плотскимъ разумомъ и

чувствомъ,—удовлетворить меня, когда по очищеніи отъ этого сору и смраду, будетъ высказываться при вдохновеніи и свѣтѣ Христовомъ.

Хорошо сдѣлалъ, — такъ и впредь дѣлай,—что описалъ мнѣ ясно происшедшее въ тебѣ дѣйствіе при прочтеніи „немилостивыхъ словъ“.—Точно: это было нервное состояніе (ты уже это смекнулъ!) это было чувство плоти, увидѣвшей, что ей готовится распятіе; это дѣйствіе плотскаго разума, когда этотъ разумъ видитъ предстоящую ему смерть на крестѣ вѣры.

Письмо ХСII

къ тому-же.

4 Дек. 1847 года.

2-го Декабря получилъ я письмо твое; а на 30 Ноября видѣлъ тебя во снѣ. И вотъ—какой былъ сонъ мой: вижу—въ рукахъ моихъ какая-то вновь-изданная книга, похожая форматомъ на посланную тебѣ мною „стихотворенія Св. Григорія Богослова“; только печать ея покрупнѣе,—какъ-бы печать брошюрки „Валаамскій монастырь“. Холодно, безъ вниманія перебираю листы книги,—останавливаюсь на какой-то статьѣ, узнаю: это твои новыя сочиненія, существующія въ моемъ предчувствіи!—много тутъ мыслей, цѣлыхъ тирадъ изъ нашей переписки. Съ сердечнымъ интересомъ и утѣшеніемъ, начинаю разсматривать, читать книгу; въ ней все мнѣ такъ—нравится! Вдругъ предо мною картинка, премиленькая, пречистенькая картинка, какъ-бы живая,—съ движеніемъ! Смотрю:—вашъ монастырь; предъ нимъ тихое, покойное, уединенное поле. По полю идешь ты въ послушническомъ подрясникѣ, съ шапочкой на головѣ. На встрѣчу тебѣ, отъ монастыря ѣдетъ на конѣ Божія Матерь, подобно тому, какъ Господь, Сынъ Ея, вѣзжалъ въ Иерусалимъ на жребяти осли. Поровнявшись съ тобою, Она остановилась, благосклонно обратилась къ тебѣ, благословила тебя, говоритъ такъ милостиво, свято, мирно: „Ты будешь жить въ.....; тебѣ здѣсь не утѣшиться“.—При этомъ разлилась въ сердцѣ моемъ необыкновенная пріятность; отъ сильнаго ея дѣйствія я проснулся,—и чувствую: та-же пріятность, которую ощущалъ я во снѣ, сладить душу мою на яву. Гдѣ тебѣ жить ускольз-

нуло отъ слуха моего... въ вѣрѣ!—но, что ты подѣ кровомъ и попеченіемъ Божіей Матери, меня несказанно радуешь. „Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его“.

Въ этомъ снѣ мнѣ все—по мысли. Сущность его: слова кротчайшія и милостивѣйшія Богоматери. Ими не осуждены монастырь, не осужденъ и ты: все покрыто Божественнымъ снисхожденіемъ. Чудно и мудро ускользнуло отъ слуха названіе мѣста, опредѣленнаго тебѣ въ жителство. Этимъ умолчаніемъ оставляется сердце въ свободѣ. Весь сонъ—только утѣшаетъ.

Милость Божія посѣтила тебя въ день пріобщенія св. Христовыхъ Таинъ. Это было истинное утѣшеніе, утѣшеніе начальное, объемлющее поверхность ума; дальнѣйшія утѣшенія, которыя тебя ожидаютъ по благости Божіей, будутъ гораздо глубже. Понялъ-ли ты, какъ оно уняло кровь, какое разстояніе между имъ и кровянымъ восторгомъ, которымъ жалко тѣшатъ себя самообольщенные? Вкушеніе утѣшенія начнетъ мало по малу просвѣщать умъ твой познаніемъ Божественнымъ. Отъ вкушенія—просвѣщеніе и разумъ духовный: „вкусите и видите, яко благъ Господь“, говоритъ Писаніе.—Ты хранишь мою тайну,—и храни ее: этимъ дашь свободу моему сердцу быть откровеннымъ съ тобою, вполне свободнымъ;—съ другими открывается соразмѣрно имъ. Родство по плоти не имѣетъ ни какихъ правъ на связи и отношенія духовныя,—развѣ сдѣлается этого достойнымъ, породнившись о Господѣ духомъ. Оставляй меня такимъ, какимъ мнѣ велитъ быть сердце мое. Въ откровенности моей предъ тобою нѣтъ ничего премудраго и разумнаго,—одно,—дерзаю сказать—невинное, утѣшительное въ Богѣ. Съ этою откровенностію говорю слѣдующее: хотя я весь погруженъ въ страстяхъ, но молилъ Бога, признавая эту молитву соборною волею Божіей: „Господи! даруй Леониду ощутить духовное утѣшеніе, чтобъ вѣра его содѣлалась вѣрою живою, — вѣрою отъ извѣщенія сердечнаго, не отъ одного слуха.“—Какъ и ты—я слабъ на языкъ; непрестанно падаю имъ, хотя непрестанно болѣе и болѣе убѣждаюсь въ достоинствѣ молчанія. По этой слабости недѣли двѣ тому назадъ повторилъ С.: „слышу сердцемъ моимъ, какъ въ Леонидѣ дѣйствуетъ утѣшеніе“. Получивъ письмо твое, я показалъ

ему тѣ твои строки, въ которыхъ написано о утѣшеніи, чтобъ онъ и этотъ случай приложилъ къ прочимъ своимъ опытамъ, полезнымъ для души его. Храни утѣшеніе, и не позволяй уму твоему вдаваться въ мечтанія. Утѣшеніе сперва дѣйствуетъ на умъ, обновляя мысли; а опъ, почувствовавъ оживленіе, охотно вдается по неопытности своей въ мечтательность,—и въ ней бесплодно и безразсудно истощаетъ дарованную ему сладость. Сказываетъ-ли тебѣ это сердце твое? Вѣдь—оно говоритъ, только мы не вдругъ навываемъ разслушивать голосъ его. При утѣшеніи вдавайся болѣе въ благодареніе, въ молитву и самоукореніе: утѣшеніе будетъ возрастать и возрастать. Я желаю для тебя, чтобъ ты былъ причастникомъ блаженной трапезы утѣшенія духовнаго: вкусившій ея содѣлывается мертвымъ для міра, стяжеваетъ особенную силу къ совершенію пути духовнаго. Такъ святыи пророкъ Ілія, по вкушеніи пищи, принесенной ему Ангеломъ Господнимъ, „иде въ крѣпости яди тоя четьредесять дней, и четьредесять ноцей до горы Божія Хоривъ“ (3 Царст. 19, 8^о), тамъ сподобился сперва явственнѣйшей бесѣды съ Господомъ, а потомъ и совершеннѣйшаго Боговидѣнія „во гласѣ хлада топка“ (тамъ-же ст. 12). Эти утѣшенія—таинственная манна, названная въ Писаніи „хлѣбомъ небеснымъ“ (Псал. 77, 24), препитывающая новыхъ Израильтянъ—христіанъ—во время путешествія ихъ по пустынь—во время странствованія земнаго. Эти утѣшенія—„манна сокровенная“ (Апок. 2, 17). Апокалипсиса, о которой сказалъ, явившійся Іоанну Богослову, Сынъ Божій: „побѣждающему дамъ ясти отъ манны сокровенныя“.—Она—точно „сокровенная“: незрима челоувѣками; ее видитъ подающій Богъ,—видитъ невидимо, видитъ ощущеніемъ пріемлющій рабъ Божій. Таковий рабъ Божій, пребывая во множествѣ людей, пребываетъ одинъ съ единымъ Богомъ, видимый и невидимый, знаемый и никому невѣдомый. Теперь скажи: хорошо-ли быть однимъ? Теперь скажи: каковъ тотъ приговоръ, которымъ я на тебя грянулъ: „ты долженъ быть одинъ“? Приговоръ смерти и жизни! Только минуты перехода трудны; когда же вкусишь жизнь,—смерть ни-по-чемъ! Такъ-ли герои!.. Трапеза духовнаго утѣшенія—какъ пища и вмѣстѣ какъ отравя! Кто вкуситъ ея,—теряетъ живое чувство ко всему вожделѣнному мірекому. Все, многоуважаемое міромъ, начинается

казаться ему пустою, отвратительною пылью, смрадною мертвечиною.

Очень пріятно мнѣ, что спутникомъ твоимъ приходится быть Н.—Расположеніе къ тебѣ этого старца—даръ Божій. Дары Божіи надо содержать въ чистотѣ. Пойми: Христось—Законоположитель любви—заповѣдалъ отреченіе не отъ любви, а отъ пристрастія, этого недуга, искаженія любви. Имѣй любовь ко всѣмъ, въ особенности къ рабамъ {Божіимъ; а пристрастіе врачуи, ограждайся отъ него, отреченіемъ отъ твари—отъ меня и отъ всякой другой—преданіемъ твари Творцу. Не усвой себѣ тварь; не усвой себя твари; приноси свою свободу въ жертву единому Богу. При такомъ самоотверженіи и отреченіи отъ всего, или во всемъ отъ самости, можешь имѣть духовную любовь ко всякому ближнему, можешь имѣть много и многихъ—Богомъ, въ Богъ,—и вмѣстѣ пребывать въ нестяжаніи и безстрастіи, въ священномъ безмолвіи и уединеніи о Господѣ.

Въ молитвенномъ подвигѣ будь свободенъ. Поступай, какъ привыкъ поступать; вкушай то, что тебѣ по вкусу, что тебя питаетъ, удовлетворяетъ. Не гоняйся за количествомъ молитвословіи, а за качествомъ ихъ, т. е. чтобъ онѣ произносились со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ. Дальнѣйшее покажутъ время и состояніе души твоей... Леонидъ! ты счастливѣе меня! Завидую тебѣ! Когда я поступилъ въ монастырь,—ни отъ кого не слыхалъ ничего основательнаго, опредѣлительнаго. Бьюсь двадцать лѣтъ, какъ рыба объ ледь! Теперь вижу нѣсколько дѣланіе иноческое; но со всѣхъ сторонъ меня удерживаютъ, не впускаютъ въ него.... Живемъ въ ужасное время: въ преддверіяхъ развязки всему.

Прочитай книгу „Цвѣтникъ“. Тамъ много сказано о тѣлесныхъ подвигахъ; въ нихъ явлено самоотверженіе, что вполне справедливо, истинно. Книга эта для преуспѣвшихъ уже иноковъ; это увидишь, это говоритъ и самъ писатель. Всякая книга, хотя бы исполненная благодати Духа, но написанная на бумагѣ, а не на живыхъ скрижаляхъ имѣетъ много мертвости: не примѣняется къ читающему ее человеку! Потому-то живая книга—безцѣнна! Тебѣ надо умѣренною наружною жизнью сохранить тѣло въ ровности и здравіи, а самоотверженіе явить въ отверженіи всѣхъ помысловъ и ощущеній противныхъ Евангелію. Нарушеніе ровности

сти нарушить весь порядокъ и всю однообразность въ занятіяхъ, которыя необходимы для подвижника. „Плоть и кровь“ не въ плоти и крови собственно, а въ плотскомъ мудрованіи. Оно поставяетъ душу подъ вліяніе, власть плоти и крови, а плоть и кровь подъ полную власть и управленіе грѣха. И тѣла святыхъ имѣли плоть и кровь, но свергшія яремъ грѣха мудрованіемъ духовнымъ, вступившіе подъ управленіе и вліяніе Святаго Духа. Иныя такъ устроены Создателемъ, что должны суровымъ постомъ и прочими подвигами остановить дѣйствіе своихъ сильныхъ плоти и крови, тѣмъ дать возможность душѣ дѣйствовать. Другіе вовсе не способны къ тѣлеснымъ подвигамъ: все должны выработать умомъ; у нихъ душа, сама по себѣ, безъ всякаго предуготовленія, находится въ непрестанной дѣятельности. Ей слѣдуетъ только взяться за оружія духовныя. Богъ является человѣку въ чистотѣ мысленной, достигъ-ли ее человѣкъ подвигомъ тѣлеснымъ и душевнымъ, или однимъ душевнымъ. Душевный подвигъ можетъ и одинъ, безъ тѣлеснаго, совершить очищеніе; тѣлесный же, если не перейдетъ въ душевный,—совершенно безплоденъ,—болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ: удовлетворяя человѣка, не допускаетъ его смириться, напротивъ того приводитъ въ высокое мнѣніе о себѣ, какъ о подвижникѣ, не подобномъ прочимъ немощнымъ человѣкамъ. Впрочемъ подвигъ тѣлесный, совершаемый съ истиннымъ духовнымъ разсужденіемъ, необходимъ для всѣхъ одаренныхъ здоровымъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, съ него начинать—общее правило иноческаго. Большая часть труженниковъ Христовыхъ, уже по долговременномъ упражненіи и укосненіи въ немъ, начинаютъ понимать умственный подвигъ, который непременно долженъ увѣнчать и подвизающагося тѣлесно, безъ чего тѣлесный подвижникъ,—какъ древо безъ плодовъ, съ одними листьями. Миѣ и тебѣ нуженъ другой путь: относительно тѣла—намъ надобно хранить и хранить благоразумную ровность, не изнурять силъ тѣлесныхъ, которыя недостаточны для несенія общихъ подвиговъ иночества. Все вниманіе наше должно быть обращено на умъ и сердце: умъ и сердце должны быть выправлены по Евангелію. Если же будемъ изнурять тѣлесныя силы по пустой, кровяной ревности къ тѣлеснымъ подвигамъ; то умъ ослабѣетъ въ брані съ ду-

хами воздушными, міродержителями тьмы вѣка сего, под-
небесными, падшими силами, ангелами, сверженными съ
неба. Умъ долженъ будетъ ради немощи тѣла оставить мно-
гія, сильныя, существенно необходимыя ему оружія,—и по-
терпѣть безмѣрный уцербъ. Говорю тебѣ испытанное на са-
момъ дѣлѣ, познанное изъ горькихъ опытовъ. Когда я былъ
юношею,—все это говорило мнѣ сердце мое,—не такъ ясно,
не опредѣлительно,—но говорило. Другаго голоса, другаго
свидѣтеля, который бы подтвердилъ, объяснилъ свидѣтель-
ство сердца—не было. И не устоялъ, неподдержанный ни-
къмъ, глаголь моего сердца предъ умомъ моимъ! Не умѣлъ
я слушать моего сердца! Страшнымъ, опаснымъ казалось
мнѣ слушать его! Тонокъ, таинственъ его голосъ!... Старцы,
общей молвою прославленные, какъ одаренные духовнымъ
разсужденіемъ, говорили другое, издавали другое мнѣніе
объ этихъ предметахъ, не такъ, какъ я понималъ и видѣлъ
ихъ. Всегда я себѣ не вѣрилъ: мысль слабая, увертка ума
въ другомъ казались мнѣ предпочтительнѣе моей мысли,
прямой и сильной. Много времени протекло въ такомъ со-
стояніи; не много лѣтъ, какъ я отказался, освобожденъ отъ
послѣдованія мнѣніямъ другихъ;—встрѣчаю приходящее къ
уму моему мнѣніе челоуѣка и книги не какъ страннолю-
бецъ гостепріимный и привѣтливый; но какъ строгій судія,
какъ привратникъ, хранитель чертога, облеченный въ этотъ
санъ милостію Всемилостиваго Бога моего, послѣ безчислен-
ныхъ, смертныхъ, долговременныхъ язвъ и страданій. Въ
этомъ санѣ привратника стою—у вратъ души твоей. Мое—
твое. Мнѣ данное туне послѣ лютыхъ ударовъ ты взялъ туне
вѣрою. Христось—подающій. Ему Единому слава! Аминь.

Сообщилъ Іеромонахъ Игнатій (Садковскій).
